

**ТРАНСЦЕНДЕНТАЛЬНЫЙ СИНТЕТИЗМ
В. Т. КРУГА И ЕГО РЕЦЕПЦИЯ
В. Д. КУДРЯВЦЕВЫМ-ПЛАТОНОВЫМ**

*Д. О. Рожин*¹

Русский философ В. Д. Кудрявцев-Платонов знакомился с идеями Канта, опираясь на труды своих старших современников, в числе которых был и автор концепции трансцендентального синтетизма В. Т. Круг. Однако степень и специфика влияния его философских идей на теорию познания Кудрявцева-Платонова по сей день остаются неисследованными. Для того чтобы заполнить эту лауну, определяются основные черты трансцендентального синтетизма и базовые установки теории познания Круга, а также их специфика по отношению к кантовскому трансцендентализму. Затем устанавливается характер знакомства Кудрявцева-Платонова с работами Круга и производится сравнительный анализ взглядов обоих философов. В результате показано, что теоретическая философия Круга представляет собой смесь кантовского трансцендентализма и убеждений здравого смысла. Установлено, что Кудрявцев-Платонов довольно рано познакомился с идеями «Фундаментальной философии» и «Системы теоретической философии» Круга. При этом он выступал против философии здравого смысла, хотя так же, как и Круг, выводил бытие реального и идеального мира из факта самосознания. Кроме того, Кудрявцев-Платонов, в отличие от Круга, приписывает априорным формам познания не только субъективное, но и объективное значение. Наконец, делается вывод о том, что трансцендентальный монизм Кудрявцева-Платонова имеет генетическую связь с трансцендентальным синтетизмом Круга и представляет собой его модификацию с метафизическим уклоном. Идеи Круга обнаруживаются особым образом в теоретико-познавательных установках русского философа: в мето-

¹ Балтийский федеральный университет им. И. Канта, Россия, 236041, Калининград, ул. Александра Невского, д. 14.

Поступила в редакцию: 28.09.2025 г.

doi: 10.5922/0207-6918-2025-4-2

**TRANSCENDENTAL SYNTHETISM
OF W. T. KRUG AND ITS RECEPTION
BY V. D. KUDRYAVTSEV-PLATONOV**

*D. O. Rozhin*¹

The Russian philosopher Victor D. Kudryavtsev-Platonov was introduced to Kant's ideas through the works of his older contemporaries, one of whom was Wilhelm Traugott Krug, the author of the concept of transcendental synthetism. However, the degree and character of the influence of his philosophical ideas on Kudryavtsev-Platonov's epistemology remain unexplored to this day. To fill this gap I have examine the main features of transcendental synthetism and the basic tenets of Krug's theory of cognition as well as their specific relation to Kant's transcendentalism. I then describe the character of Kudryavtsev-Platonov's acquaintance with the works of Krug and compare the views of these two philosophers. I demonstrate that Krug's theoretical philosophy is a mix of Kantian transcendentalism and common sense convictions. I establish that Kudryavtsev-Platonov became acquainted with Krug's *Fundamental Philosophy* and *The System of Theoretical Philosophy* quite early on. He was an opponent of the philosophy of common sense although, like Krug, he derived the being of the real and ideal world from the fact of self-consciousness. Unlike Krug, Kudryavtsev-Platonov ascribes to a priori forms of cognition not only subjective but also objective meaning. I conclude that Kudryavtsev-Platonov's transcendental monism is genetically connected with Krug's transcendental synthetism, i.e. its modification with a metaphysical slant. Krug's ideas show themselves in a peculiar way in the Russian philosopher's epistemological ideas: in the methodology of deriving the main principles

¹ Immanuel Kant Baltic Federal University (IKBFU). 14 Aleksandra Nevskogo st., Kaliningrad, 236041, Russia.

Received: 28.09.2025.

doi: 10.5922/0207-6918-2025-4-2

дологии выведения основных принципов философии, в структуре теории познания, а также в том, какое место последний отводит ей в системе философского знания.

Ключевые слова: Круг, Кудрявцев-Платонов, Кант, трансцендентальный синтетизм, трансцендентальный монизм, априорные формы познания, бытие, мышление

Введение

В. Д. Кудрявцев-Платонов (1828–1891, далее — Кудрявцев) является одной из ключевых фигур в истории русской духовно-академической философии, разделявших идеи трансцендентализма, однако в современных исследованиях практически не уделяется внимание источникам рецепции им этих идей. Более того, до сих пор нет полной ясности в том, какое значение Кудрявцев придавал в названии своей концепции — трансцендентальный монизм — термину «трансцендентальный», хотя эта проблема была ранее обозначена А. Н. Кругловым, сделавшим соответствующие предположения (Круглов, 2009, с. 478–479). В ряде недавних исследований было показано, что концепция Кудрявцева непосредственно связана с кантовским априоризмом (см., напр.: Рожин, 2023; 2024а; 2024б), и вполне возможно, что Кудрявцев употреблял определение «трансцендентальный» в близком к кантовскому пониманию смысле. Наиболее вероятным источником для интерпретации трансцендентализма Кудрявцевым Круглов называет философскую систему Вильгельма Траугота Круга (1770–1842) (Круглов, 2009, с. 482), которую последний определял как «трансцендентальный синтетизм» и представил в работе «Фундаментальная философия» («Fundamentalphilosophie», 1803).

Хотя эти философские концепции — трансцендентальный синтетизм и трансцендентальный монизм — и выстраивались систематически, их ядро составляют теория познания

of philosophy, in the structure of cognition and in the place the latter assigns to it in the system of philosophical knowledge.

Keywords: Krug, Kudryavtsev-Platonov, Kant, transcendental synthetism, transcendental monism, a priori forms of cognition, being, thinking

Introduction

Victor D. Kudryavtsev-Platonov (1828–1891, elsewhere Kudryavtsev) is one of the key figures in the history of Russian religious-academic philosophy who shared the ideas of transcendentalism. However, modern studies scarcely pay any attention to the source from which he derived these ideas. Moreover, it is still not quite clear what meaning Kudryavtsev-Platonov attached to the term “transcendental” in the name of his concept, “transcendental monism”, although Aleksei N. Krouglov (2009, pp. 478-479) has pointed to the problem and made some relevant suggestions. Some recent studies have shown that Kudryavtsev’s theory is directly connected with Kant’s apriorism (see e.g. Rozhin, 2023; 2024a; 2024b), such that Kudryavtsev uses the term “transcendental” in a sense that is close to Kant’s. Krouglov (2009, p. 482) believes that the most probable source of Kudryavtsev’s interpretation of transcendentalism is the philosophical system of Wilhelm Traugott Krug (1770–1842), who defined it as “transcendental synthetism” and presented it in his work *Fundamental Philosophy* (*Fundamentalphilosophie*, 1803).

Transcendental synthetism and transcendental monism are philosophical concepts which, though designed as systemic, have as their core the epistemology and ontology seen as two sides of one discipline, i.e. metaphysics. Arguably, this ‘merging’ of epistemology and ontology by Krug and Kudryavtsev is due to the close interconnection between these areas

и онтология, рассматриваемые в единстве, как две стороны одной дисциплинарной области — метафизики. Можно предполагать, что подобное «слияние» теории познания и онтологии у Круга и Кудрявцева обусловлено тесной взаимосвязью этих областей философского знания, которая наиболее явно была подчеркнута в кантовской «Критике чистого разума».

Мог ли повлиять — и каким образом — трансцендентальный синтетизм, и в особенности его теоретико-познавательные установки, на концепцию трансцендентального монизма, в том числе на восприятие Кудрявцевым кантовского трансцендентализма? Чтобы ответить на этот вопрос, сначала на основе оценок, предложенных историками философии, будет определено место Круга в истории немецкой философии. Затем будут репрезентированы концепция трансцендентального синтетизма Круга, прежде всего ее базовые теоретико-познавательные установки, а также определена их специфика по отношению к кантовскому трансцендентализму. Далее будет установлен характер знакомства Кудрявцева с работами Круга, в том числе с привлечением архивных материалов из рукописного фонда Кудрявцева. Наконец, будут сопоставлены философские концепции Круга и Кудрявцева для определения характера влияния идей Круга на теорию познания русского философа, а также на его восприятие кантовского трансцендентализма.

Круг и его место в истории немецкой философии

На сегодняшний день имя В. Т. Круга как в России, так и за рубежом известно только ограниченному числу специалистов по истории немецкой философии конца XVIII — начала XIX в. Более того, некоторые исследователи, например Г. С. Харрис, считают, что Круг не был выдающимся мыслителем и заслуживает места в научных примечаниях к истории немецкого идеализма только по двум поводам: во-первых,

of philosophy which is highlighted in Kant's *Critique of Pure Reason*.

Could transcendental synthetism and especially its epistemological ideas have influenced (and if so, how) the concept of transcendental monism, including Kudryavtsev's perception of Kantian transcendentalism? To answer this question I first determine Krug's place in the history of German philosophy as seen by historians of philosophy. I will then present Krug's concept of transcendental synthetism with emphasis on its basic epistemological principles and point out its difference from Kant's transcendentalism. Next, I will consider how Kudryavtsev was acquainted with Krug's works, based partly on archive materials from Kudryavtsev's manuscripts. Finally, I will compare the philosophical concepts of Krug and Kudryavtsev to determine how Krug's ideas influenced the Russian philosopher's theory of cognition and his perception of Kantian transcendentalism.

Krug and his Place in the History of German Philosophy

Today, in and outside Russia, the name of Wilhelm Traugott Krug is known to only a few historians of German philosophy of the eighteenth and the early nineteenth centuries. Indeed, some researchers, e.g. Henry Stilton Harris, believe that Krug was not an outstanding thinker and merits a place in academic footnotes to the history of German Idealism only on two counts. First, because he played a role in the emergence of Hegel's mature system, and second, because after Kant's death Krug was elected to the *Albertina* Chair of Logic and Metaphysics (Hegel, 2000, pp. 293-294). Although Harris is not quite giving Krug his due, one has to admit that Krug, overshadowed as he was by his great

в связи с тем, что он сыграл немаловажную роль в становлении зрелой системы Г. В. Ф. Гегеля, во-вторых, в связи с избранием Круга на кафедру логики и метафизики Альбертины после смерти Канта (Hegel, 2000, p. 293–294). Несмотря на несправедливую оценку Харриса в отношении Круга, нельзя не признать, что последний, оказавшись в тени своих великих современников И. Г. Фихте, Ф. В. Й. Шеллинга и Гегеля, не вошел в историко-философский канон как значимый мыслитель. Что касается русской мысли, то для нее, как будет показано ниже, Круг — не посторонняя фигура. Но при этом до сих пор нет исследований, посвященных влиянию его взглядов на отечественную философию.

Круг родился в семье помещика в 1770 г. в небольшом поселении Радис около Виттенберга. В 1788 г. он поступил в Виттенбергский университет на теологический факультет, где его учителем и покровителем был влиятельный протестантский богослов Ф. Ф. Рейнхард (1753–1812). В 1791 г. Круг получил степень доктора философии. В 1792 г. он отправился в Йену, где познакомился с кантовской философией под руководством немецкого философа К. Л. Рейнгольда (1758–1823) (см.: Prantl, 1883). Рейнгольд к этому времени, хотя и считался одним из самых авторитетных популяризаторов критической философии, произвел ревизию кантовского трансцендентального идеализма, предложив свою собственную систему под названием «элементарная философия» (см.: Breazeale, Walsh, 2022). Вполне вероятно, что философский проект Рейнгольда мог отразиться на взглядах молодого Круга при изучении кантовского критицизма. Рейнгольд стремился обосновать философию в качестве строгой науки путем приведения ее в систему. Последнее предполагает несколько критериев: во-первых, возможность выведения всех элементов системы из первого принципа — «принципа сознания», во-вторых, последовательность между всеми элементами и, в-тре-

contemporaries such as Fichte, Schelling and Hegel, is not part of the canon of the history of philosophy. But for Russian thought, Krug is not an irrelevant figure as will be shown below. And yet, to date, his influence on Russian philosophy has not been studied.

Krug was born into a landowner's family in 1770. He entered the theological faculty of the University of Wittenberg in 1788 where he studied under Franz Volkmar Reinhard, an influential German philosopher (1753–1812). Krug was awarded the degree of Doctor of Philosophy in 1791. In 1792 he went to Jena where he was introduced to Kantian philosophy by the German philosopher Karl Leonhard Reinhold (1758-1823) (see Prantl, 1883, pp. 220-221). Reinhold by that time, although he was considered to be a major populariser of critical philosophy, had revised Kant's transcendental idealism and proposed a system he called "elementary philosophy" (see Breazeale and Walsh, 2022). Reinhold's philosophical project may have influenced the views of young Krug when he studied Kantian critique. Reinhold tried to ground philosophy as a rigorous science by putting it into a system. The latter should meet several criteria. First, the possibility of deriving all the elements of the system from the first principle, "the principle of consciousness", second, consistency of all these elements and third, completeness of the system (*ibid.*). The principle of consciousness, according to Reinhold, consists in that "the subject in his consciousness distinguishes the representation from the subject and object and relates the representation to both" (Reinhold, 1790, p. 167).

In 1794 Krug went to Göttingen for one semester before returning that same year to Wittenberg where he became a *Privatdozent* at the local university and made an unsuccessful attempt to secure a professorship at the philosophical faculty.

тых, завершенность системы (Ibid.). Принцип сознания, согласно Рейнгольду, состоит в том, что «в сознании субъект отличает представление от субъекта и объекта и соотносит представление с обоими» (Reinhold, 1790, S. 167).

В 1794 г. Круг на один семестр отправился в Гёттинген и в том же году возвратился в Виттенберг, где в местном университете получил звание приват-доцента и безуспешно попытался занять должность профессора философского факультета. До своего прибытия в 1805 г. в Кёнигсберг Круг публично выступает против Фихте в «Письмах о наукоучении» («Briefe über die Wissenschaftslehre: Nebst einer Abhandlung über die von derselben versuchte Bestimmung des religiösen Glaubens», 1800), против Шеллинга в «Письмах о новейшем идеализме» («Briefe über den neuesten Idealismus: eine Fortsetzung der Briefe über die Wissenschaftslehre», 1801), а затем отвечает на критическую заметку Гегеля «Как здравый смысл понимает философию» («Wie der gemeine Menschenverstand die Philosophie nehme», 1802) статьей «Как нездравый смысл понимает философию» («Wie der ungemaine Menschenverstand die Philosophie nehme», 1802). Также против Шеллинга и Гегеля была направлена статья Круга «Противоречие разума с самим собой» («Der Widerstreit der Vernunft mit sich selbst», 1802) (Prantl, 1883, S. 221).

В 1801 г. Круг опубликовал «Проект нового органа философии» («Entwurf eines neuen Organons der Philosophie, oder Versuch über die Prinzipien der philosophischen Erkenntnis»), в котором предпринял попытку пересмотреть систему Канта. В том же году он стал профессором во Франкфурте-на-Майне. В 1803 г. Круг издал первый крупный труд «Фундаментальная философия», в котором развил идеи своего «Органона». В 1804 г. Круг женился на генеральской дочери Вильгельмине фон Зенге и получил несколько предложений работы, одно из которых — занять освободившуюся после смерти Канта кафедру в Кёнигсбергском университете. Именно здесь Круг начал публиковать

Before he arrived in Königsberg in 1805 Krug publicly challenged Fichte in the *Letters on the Doctrine of Science of Knowledge; together with a Treatise on the Attempted Definition of Religious Belief* (*Briefe über die Wissenschaftslehre: Nebst einer Abhandlung über die von derselben versuchte Bestimmung des religiösen Glaubens*, 1800), Schelling in the *Letters on the Newest Idealism; a Continuation of the Letters on the Doctrine of Science* (*Briefe über den neuesten Idealismus: eine Fortsetzung der Briefe über die Wissenschaftslehre*, 1801), and then responded to Hegel's article "How the Ordinary Human Understanding Takes Philosophy" ("Wie der gemeine Menschenverstand die Philosophie nehme", 1802) with an article "How the Non-Common Sense Takes Philosophy" ("Wie der ungemaine Menschenverstand die Philosophie nehme", 1802). Krug also challenged Schelling and Hegel in the article "The Contradiction of Reason with Itself" ("Der Widerstreit der Vernunft mit sich selbst", 1802) (cf. Prantl, 1883, p. 221).

In 1801 Krug published *The Outline of a New Organon of Philosophy, or an Essay on the Principles of Philosophical Knowledge* (*Entwurf eines neuen Organons der Philosophie, oder Versuch über die Prinzipien der philosophischen Erkenntnis*), in which he attempted to revise Kant's system. That same year he won a professorship in Frankfurt am Main. In 1803 Krug published his first major work *Fundamental Philosophy*, in which he developed the ideas of his *Organon*. In 1804 Krug married a general's daughter, Wilhelmine von Zenge, and received several employment offers, including the chair at Königsberg University which became vacant after Kant's death. There he began publishing his three-volume work *The System of Theoretical Philosophy* (*System der theoretischen Philosophie*, 1806, 1808, 1810). In 1809 Krug accepted an invitation from Leipzig University, where he taught until his death. When assuming his new position Krug

свое трехтомное сочинение «Система теоретической философии» («System der theoretischen Philosophie», 1806, 1808, 1810). В 1809 г. Круг принял приглашение от Лейпцигского университета, где преподавал до конца жизни. При вступлении на новую должность Круг выступил с опровержением «Феноменологии духа» Гегеля. Также в Лейпциге он издал другую свою крупную работу в 3 томах под названием «Система практической философии» («System der praktischen Philosophie», 1817, 1818, 1819).

В 1820 г. Круг предпринял попытку коротко изложить свои взгляды в «Справочнике по философии и философской литературе» (см., например, третье издание этой работы: Krug, 1828), а в конце 1820-х издал собственный «Общий словарь философских наук» в 4 томах («Allgemeines Handwörterbuch der philosophischen Wissenschaften», 1827–1829). Список трудов Круга на самую разнообразную тематику насчитывает не менее 189 наименований. В 1842 г. Круг опубликовал автобиографию под названием «Жизненный путь Круга в шести веках, описанных им самим» («Krug's Lebensreise in sechs Stationen von ihm selbst beschrieben») (Prantl, 1883, S. 221–222).

Из биографии Круга уже можно сделать вывод, что он был знаком с кантовской философией и стремился на нее опереться в своих философских поисках, которые шли вразрез с идеалистическими системами Фихте, Шеллинга и Гегеля. Но со стороны его современников — историков философии — отношение Круга к кантовской философии получало противоречивые оценки.

И. Э. Эрдман (1805–1892) помещает философские взгляды Круга в раздел «Модификации кантовского учения» (Erdmann, 1848, S. 345), а его самого называет полукантианцем (Halbkantianer), поскольку в его взглядах нашли отражение кантовский критицизм и «вольфианство, перешедшее в здравый смысл» (Ibid., S. 346). Такое сочетание, считает Эрдман, было обусловлено одной из задач, стоявших пе-

published a challenge of Hegel's *Phenomenology of Spirit*. Also in Leipzig he published another major work in three volumes entitled *The System of Practical Philosophy (System der praktischen Philosophie, 1817, 1818, 1819)*.

In 1820 Krug attempted to set forth his views in the *Handbook of Philosophy and Philosophical Literature* (e.g. see the third edition of this work: Krug, 1828), and in the late 1820s he published his own *General Dictionary of Philosophical Sciences* in 4 volumes (*Allgemeines Handwörterbuch der philosophischen Wissenschaften, 1827–1829*). The list of Krug's works on a huge variety of topics runs to at least 189 titles. In 1842 Krug published his autobiography entitled *The Lifepath of Krug in Six Stations Described by Himself (Krug's Lebensreise in sechs Stationen von ihm selbst beschrieben)* (Prantl, 1883, pp. 221-222).

Already Krug's biography shows that he was familiar with Kant's philosophy and sought to proceed from it in his philosophical quests which challenged the idealistic systems of Fichte, Schelling and Hegel. But his attitude to Kant's philosophy met with a mixed reaction among the historians of philosophy of his time.

Johann Eduard Erdmann (1805–1892) places Krug's philosophical views in the section "Modifications of the Kantian Doctrine" (Erdmann, 1848, p. 345) and calls him a semi-Kantian (*Halbkantianer*) because his views reflect Kantian critiques and "Wolffianism which has become common sense" (*ibid.*, p. 346). Erdmann attributes this combination to the fact that one of his tasks was to take Kantian analysis of consciousness to the principle where it defies analysis and coincides with the facts of common sense, i.e. the self-evident facts that cannot be proved (*ibid.*, pp. 367-368). Indeed, Erdmann writes, Krug himself conceded that he "never was a Kantian in the true sense of the word", but merely "took the Kantian philosophy as the starting point

ред Кругом, а именно — довести кантовский анализ сознания до принципа, который как таковой уже не может быть подвергнут анализу, а совпадает с фактами здравого смысла, то есть самоочевидными фактами, которые невозможно доказать (*Ibid.*, S. 367–368). Да и сам Круг, пишет Эрдман, признавался, что «никогда не был кантианцем в подлинном смысле этого слова», но некогда «взял кантовскую философию в качестве отправной точки только потому, что в то время она была в моде», и вскоре не без влияния Рейнхарда он начал распознавать в ней недостатки (см.: Krug, 1828, S. XII–XIII; Erdmann, 1848, S. 370).

Эрдман отмечает, что, хотя декларируемая независимость Круга от кантовской доктрины не столь велика, тем не менее верно, что популярное вольфианство, которое представляет Рейнхард, уже в первой работе Круга становится настолько существенным элементом, что Гегель называет его примером того, как здравый смысл воспринимает философию (Erdmann, 1848, S. 370–371). Во всех своих исследованиях, указывает Эрдман, Круг никогда не мог выйти за рамки вольфианской эмпирической психологии; эмпирическое «Я» для него — нечто готовое, в котором он обнаруживает изначальный синтез, лежащий в основе фактов сознания (*Ibid.*, S. 378–379).

Поскольку Эрдман в своих философских взглядах был гегельянцем (Schoeps, 1959) и, вероятно, в оценке Круга исходил из соответствующей позиции, нельзя не упомянуть критику самого Гегеля в адрес Круга. Гегель отмечает, что Круг делает эмпирическое сознание первым принципом своих спекуляций, а все его содержание и все, что в нем мыслится, считает истинным. Суть синтетизма Круга Гегель иронически предлагает понимать как «кувшин², в котором как факты каким-то случайным образом содержатся рейнгольдская вода, кан-

² «Кувшин» и «Круг» — игра слов. Фамилия Круга омонимична немецкому слову, которое на русский язык переводится как «кувшин».

because it was in vogue at the time”, and before long, and not without Reinhard’s influence, began to see its shortcomings (see Krug, 1828, pp. xii-xiii).

Erdmann (1848, pp. 370-371) notes that although Krug’s professed independence from Kant is not so pronounced, nevertheless it is true that already in Krug’s first work the popular Wolffianism represented by Reinhard looms so large that Hegel cited it as an example of how common sense perceives philosophy. Erdmann notes that in none of his works does Krug go beyond the framework of Wolffian empirical psychology; to him the empirical “I” is something ready-made in which he sees the initial synthesis that lies at the basis of the facts of consciousness (*ibid.*, pp. 378-379).

Because Erdmann’s philosophical views were Hegelian (Schoeps, 1959, p. 569) as was his assessment of Krug, mention of Hegel’s own critique of Krug would not come amiss. Hegel notes that Krug makes empirical consciousness the first principle of his musings and considers its whole content and everything thought in it to be true. Hegel (2000, p. 304) ironically likens the essence of Krug’s synthetism to “a jug² in which Reinhold’s pure-sweet [*Reinholdisches*] water, beer that went flat in Kant’s corner [*Kantisches abgestandenes*], enlightening syrup (‘Berlin’ brand) and other similar ingredients that just happen to be around, are contained as ‘actual facts’; the jug is the synthetic bond of all these — (= ego)”. Then, Hegel goes on, ‘someone’ comes along and brings formal unity to this confusion by comparing and separating things and finally reports all this. As for the difference between Krug’s transcendental synthetism and transcendental idealism, Hegel notes that the latter in answering the question what ought to be thought, does not turn to empirical consciousness (*ibid.*).

² “Jug” and “Krug” is a play on words because Krug is the German word for “jug”.

товское скисшее пиво, просвещающий сироп, названный берлинизмом, и другие подобные ингредиенты; кувшин — это их синтез (*das Synthetische*) = Я» (Hegel, 1986, S. 202–203). Затем, продолжает Гегель, «кто-то» приходит и вносит формальное единство в эту путаницу посредством сличения и разделения вещей и, наконец, составляет обо всем этом отчет. Что касается различия между трансцендентальным синтетизмом Круга и трансцендентальным идеализмом, то, согласно Гегелю, последний, отвечая на вопрос, что должно мыслить, не обращается к эмпирическому сознанию (*Ibid.*).

Другой историк немецкой философии Э. Х. Г. Рейнгольд (1793–1855) относит Круга к кантовской школе критической философии, развивавшей идеи Канта по логике, метафизике, психологии, естественному праву и философии религии (Reinhold, 1830, S. 138–139). Круг, пишет Рейнгольд, здесь занимает почетное место, но при этом не вносит существенного вклада в обоснование и развитие кантовских идей (*Ibid.*, S. 311–312). Идею синтетизма Круга Рейнгольд характеризует как нефилософскую, бессмысленную и поверхностную, поскольку в ней отвергаются более глубокие и существенные для теории познания проблемы и результаты исследований, обусловившие дальнейший прогресс немецкой философии после Канта (*Ibid.*, S. 316–317).

Младший современник Круга, историк философии Ф. Ибервег (1826–1871) считает, что Круг относился к кантовской школе логики и развивал логику в том же духе, что и Кант (Ueberweg, 1857, S. 45). Данный взгляд поддерживает современная исследовательница Дж. Хейс, согласно которой особенность указанной школы состоит в том, что все ее представители, в том числе и Круг, придерживались кантовского понимания логики как формальной, а именно — отличали формальную логику как науку о мышлении, абстрагирующуюся от любых отношений к объекту, соответственно, независимую от психологии и метафизи-

Another historian of German philosophy, Ernst Christian Gottlieb Reinhold (1793–1855), identifies Krug with the Kantian school of critical philosophy who developed Kant's ideas on logic, metaphysics, psychology, natural law and the philosophy of religion (Reinhold, 1852, pp. 138-139). Krug, Reinhold writes, occupies a distinguished place here, but his contribution to the grounding and development of Kantian ideas is insignificant (*ibid.*, pp. 311-312). Reinhold describes Krug's idea of synthetism as non-philosophical, senseless and superficial because it ignores the more profound problems and research results which are essential for the theory of cognition and which ensured further progress of German philosophy after Kant (*ibid.*, pp. 316-317).

Historian of philosophy Friedrich Ueberweg (1826–1871), a junior contemporary of Krug, believed that Krug belonged to the Kantian school of logic and developed logic in the same vein as Kant (Ueberweg, 1857, p. 45). This approach is shared by the present-day scholar Jeremy Heis, who notes that the school's distinctive feature is that all its representatives, including Krug, adhered to the Kantian concept of logic as formal, i.e. they singled out formal logic as a science of thought that abstracts itself from any relations to the object and accordingly is independent from psychology and metaphysics, from transcendental logic as the science of cognition (Heis, 2019, p. 29). Finally, one more contemporary of Krug, Karl Fortlage (1806–1881), took the view that Krug was developing the idea of a merging Kantianism and sensualism (Fortlage, 1852, p. 347).

Some present-day scholars, too, tend to regard Krug's philosophical views as a combination of Kantian intuitions and common sense. For example, Adolf Kemper (1988, p. 63, 68) maintains that for Krug common sense is key, but at the same time his philosophy is a product not of common sense

ки, от трансцендентальной логики как науки о познании (Heis, 2019, p. 29). Наконец, еще один современник Круга, К. Фортлаге (1806–1881) считал, что Круг развивал идею слияния кантианства и сенсуализма (Fortlage, 1852, S. 347).

Среди современных исследователей также встречается позиция, согласно которой философские взгляды Круга представляют сочетание кантовских интуиций и здравого смысла. Так, А. Кемпер утверждает, что отправной точкой для Круга является здравый смысл, но в то же время его философия представляет собой продукт не здравого смысла, а спекуляции (Kemper, 1988, S. 63, 68). Кроме того, исследователь обращает внимание на то, что Круг сам предпринял исследование совместимости трансцендентального синтетизма с учением Канта, в результате чего пришел к выводу, что он четко придерживается кантовской системы, которую неправильно называть трансцендентальным идеализмом, ведь на самом деле она относится к трансцендентальному синтетизму (Ibid., S. 110–111). Харрис по данному поводу замечает: по иронии судьбы Кант, в 1799 г. заявивший в открытом письме («Заявление по поводу наукоучения Фихте»), что критику следует понимать буквально и рассматривать только с позиций здравого рассудка, достаточно развитого для абстрактного мышления, получил себе в преемники мыслителя, наряжавшего здравый смысл в сценический костюм «трансцендентального синтетизма» (Hegel, 2000, p. 293–294).

Трансцендентальный синтетизм Круга и его аналитика познавательных способностей

Круг стремился придать познанию прочную научную основу посредством обнаружения реального и идеального принципов, обоснованных не путем логических доказательств, а самой их фактичностью (см.: Kemper, 1988, S. 69–71). Для этого немецкий философ аб-

but of speculation. He also draws attention to the fact that Krug himself had undertaken an investigation into the compatibility of transcendental synthetism with Kant's teaching and came to the conclusion that he strictly adhered to the Kantian system which is wrongly called transcendental idealism, whereas in reality it belongs to transcendental synthetism (*ibid.*, pp. 110-111). Harris notes in this connection that by an irony of fate Kant, who declared in a 1799 open letter ("Public Declaration concerning Fichte's *Wissenschaftslehre*") that criticism should be understood literally and be considered only from the standpoint of common sense sufficiently developed for abstract thinking, ended up having a successor in the person of a thinker who dressed common sense in a stage garb of "transcendental synthetism" (see Hegel, 2000, pp. 293-294).

Krug's Transcendental Synthesis and his Analysis of Cognitive Faculties

Krug sought to put cognition on a solid scientific basis by discovering real and ideal principles grounded not by logical proof but by factuality (see Kemper, 1988, pp. 69-71). To this end he abstracts himself from the external world in order to focus on the inner world: as a consequence, for him the main object of cognition is the "I". Krug (1803, pp. 59-62) posits the cognising "I", or the philosophising subject, as the real principle of philosophical knowledge which makes any philosophical knowledge (including the ideal principles) possible.

The ideal principles in turn are subdivided into material, or constituting cognition, and formal, or regulating cognition (making it scientific). The material principles consist in the facts of consciousness understood as the initial synthesis of being and knowledge in the

страгируется от внешнего мира, чтобы сфокусироваться на мире внутреннем: как следствие, главным предметом познания для него выступает «Я». В качестве реального принципа философского познания, благодаря которому становится возможным всякое философское познание (в том числе и идеальные принципы), Круг определяет познающее «Я», или философствующего субъекта (Krug, 1803, S. 59–62).

Идеальные принципы, в свою очередь, подразделяются на материальные, или конституирующие познание и формальные, или регулирующие познание (делающие познание научным). Материальные принципы заключаются в фактах сознания, понимаемого как изначальный синтез бытия и знания в «Я» (Ibid., S. 68). Высший материальный принцип философского познания заключается в положении: «я деятелен» (Ibid., S. 76–77). В сознании, безусловно, дан только эмпирический синтез, но в его основе лежит трансцендентальный синтез, конституирующий сознание и предшествующий каждому моменту времени, когда человек осознает эмпирический синтез (Ibid., S. 97–98).

Формальные принципы определяются Кругом как законы, связывающие факты сознания и создающие из множества отдельных познаний единство (Ibid., S. 87–88). «Абсолютная гармония “Я” во всей его деятельности является высшей целью философствования» — это высший формальный принцип философского познания (Ibid., S. 90). На основании трех представленных принципов Круг выводит высший принцип философии: «Я деятелен и стремлюсь к абсолютной гармонии во всей моей деятельности» (Ibid., S. 93).

Указав на изначальный и априорный синтез бытия и знания в «Я» как на первоначальный факт, посредством которого конституируется сознание как таковое (Ibid., S. 97–98), Круг обнаруживает в нем полагание реальности для чего-то, что «я сам есть (Я)», и чего-то, «чем я сам не являюсь», то есть для бытия. Бытие фи-

“I” (ibid., p. 68). The highest material principle of philosophical cognition is contained in the proposition “I am active”³ (ibid., pp. 76-77). In consciousness, of course, only empirical synthesis is given, but its foundation is transcendental synthesis which constitutes consciousness and precedes every moment in time when man is conscious of empirical synthesis (ibid., pp. 97-98).

Krug defines formal principles as laws which link the facts of consciousness and create a unity out of a multitude of separate cognitions (ibid., pp. 87-88). “Absolute harmony of the ‘I’ in all its activity is the supreme goal of philosophising.”⁴ This is the highest formal principle of philosophical cognition (ibid., p. 90). Proceeding from the above three principles Krug (1803, p. 93) derives the highest principle of philosophy: “I am active and I seek absolute harmony in all my activity”⁵.

Having pointed to the initial and *a priori* synthesis of being and knowledge in the “I” as the primary fact through which consciousness as such is constituted (ibid., pp. 97-98), Krug discovered within it a positing of the reality of something that “I am myself (I)”⁶, and something which “I am not”⁷, i.e. being. He proposes to consider ‘being’ as real (*das Reale*), and knowledge as ideal (*das Ideale*). In order to determine whether we have the right — and to what extent — to present ourselves and external objects as real, Krug asks the question, ‘How do the real and the ideal correlate with each other?’ He proposes two strategies for finding an answer. Under the first strategy one thing must be designated as primary and the other thing as derivative. There are two variants here: either the real is primary

³ “[...] *ich bin thätig* [...].”

⁴ “*Die absolute Harmonie des Ichs in aller seiner Thätigkeit ist der oberste Zweck des Philosophierens.*”

⁵ “*Ich bin tätig und suche absolute Harmonie in aller meiner Thätigkeit.*”

⁶ “[...] *ich selbst bin* (*das Ich*) [...].”

⁷ “[...] *was ich selbst nicht bin* [...].”

лософ предлагает считать реальным (*das Reale*), а знание — идеальным (*das Ideale*). Для того чтобы определить, имеем ли мы право — и в какой степени — представлять себя и внешние вещи как реальные, Круг стремится разрешить вопрос: как реальное и идеальное соотносятся друг с другом? Философ предлагает две стратегии поиска ответа. Согласно первой, нужно признать что-то одно первоначальным, а другое производным. И здесь есть два варианта: либо реальное первоначально, а идеальное вторично, тогда мы имеем дело с реализмом, либо наоборот, и тогда мы имеем дело с идеализмом. Рассматривая по очереди реализм и идеализм, Круг приходит к заключению о несостоятельности обоих вариантов реализации первой стратегии (*Ibid.*, S. 108–111). Так, последовательный реализм приводит к материализму, согласно которому идеальное происходит из материи (*Ibid.*, S. 111–114), а последовательный идеализм выливается в нигилизм, то есть приводит к исчезновению как субъекта, так и объекта (*Ibid.*, S. 116–117). Оба, реализм и идеализм, противостоят практическим интересам человека как свободного существа: первый — поскольку помещает человека полностью в детерминированный мир природы, второй — в силу того, что устраняется действительный мир как сфера приложения нравственных усилий человека (*Ibid.*, S. 121–122). В отношении религии материализм порождает пантеизм (*Ibid.*, S. 113–116), а идеализм ведет к аутотеизму, то есть Богом провозглашается «Я» (*Ibid.*, S. 127–128). Как следствие, первая стратегия разрешения проблемы соотношения мышления и бытия оказывается неприемлемой ни в спекулятивном, ни в практическом, ни в религиозном плане.

Тогда остается вторая стратегия: реальное и идеальное следует рассматривать как изначально данные и связанные друг с другом и считать выведение одного из другого невозможным, что Круг и называет трансцендентальным синтетизмом. Такой синтез транс-

and the ideal is secondary, and that means realism, or vice versa, and then it is idealism. Examining by turns realism and idealism, Krug concludes that neither option of implementing the first strategy is tenable (*ibid.*, pp. 108–111). Consistent realism leads to materialism whereby the ideal originates from matter (*ibid.*, pp. 111–114), and consistent idealism becomes nihilism, i.e. both the subject and the object disappear (*ibid.*, pp. 116–117). Both realism and idealism contradict the human being's practical interests as a free being: the first because it places the human being totally within the deterministic world of nature, and the second because it eliminates the real world as the sphere of application of the human being's moral efforts (*ibid.*, pp. 121–122). With regard to religion, materialism leads to pantheism (*ibid.*, pp. 113–116), and idealism to autotheism which proclaims the "I" to be God (*ibid.*, pp. 127–128). As a result, the first strategy of resolving the problem of the relationship between thought and being turns out to be unacceptable, either on the speculative or on the practical or religious levels.

That leaves the second strategy which considers the real and the ideal as givens connected with each other, while deriving one from the other is impossible, which Krug calls transcendental synthetism. Such synthesis is transcendental: on the one hand, it is the initial act of consciousness and is therefore impossible to explain or fathom. On the other hand, it is the basis of everything empirical, hence is not transcendental, i.e. does not go beyond the framework of philosophising and does not look for the primary principle (*ibid.*, pp. 129–132). Krug believes that

transcendental synthetism recognises as natural and necessary for every reasonable person a threefold conviction: that of one's own being, that of the being of the things outside oneself as well as the commonality existing

цендентален, с одной стороны, потому что является изначальным фактом сознания, соответственно, необъясним и непостижим. С другой стороны, он лежит в основе всего эмпирического, а значит, не трансцендентен, то есть не переходит за границы философствования и не ищет трансцендентное первоначало (Ibid., S. 129–132). Круг полагает, что

трансцендентальный синтетизм признает естественным и необходимым для каждого здравомыслящего человека убеждение троякого рода: в собственном бытии, в бытии вещей вне его, а также в общности, существующей между ним и этими вещами, и утверждает, что эти убеждения совершенно не нуждаются в обосновании доказательствами со стороны философствующего разума, но тем не менее являются непреложно достоверными, поскольку первоначальны (Ibid., S. 138).

Размышляя о деятельности нашего «Я», Круг указывает на ее двойственную природу — теоретическую и практическую. Теоретическая деятельность состоит в представлении о чем-либо и в познании, зависящем от данного представления, практическая — в стремлении к чему-либо (Ibid., S. 173). В теоретической, как и в практической, деятельности Круг усматривает три потенции: чувственность, интеллектуальность (Intellektualität) и рациональность, из которых возникают изначальные способности души. В теоретической деятельности указанные потенции представлены чувственностью, рассудком (Verstand) и теоретическим разумом (theoretische Vernunft) (Ibid., S. 179).

Исследованием познания, согласно Кругу, занимается метафизика — наука, изучающая трансцендентальную основу нашего познания, то есть то, что определено в отношении нашего познания a priori (Krug, 1830, S. 3–6). Метафизика стремится определить трансцендентальные условия человеческого познания — иными словами, открыть первые и наиболее общие понятия и принципы (Ibid., S. 6–8). Метафизи-

between oneself and these things, and claims that these convictions need no grounding by proof on the part of the philosophising reason, and yet are unassailably true inasmuch as they are primary⁸ (ibid., p. 138).

Reflecting on the activity of “I”, Krug notes its dual nature, theoretical and practical. Theoretical activity consists in representation of something and in cognition which depends on this representation, and practical activity consists in striving towards something (ibid., p. 173). In the theoretical as well as in practical activity Krug sees three potentialities: sensuality, intellectualism (Intellektualität) and rationality from which the original faculties of the soul arise. In theoretical activity these potentialities are represented by sensuality, understanding (Verstand) and theoretical reason (theoretische Vernunft) (ibid., p. 179).

According to Krug (1830, pp. 3-6), the study of cognition is the domain of metaphysics — the science that studies the transcendental basis of our cognition, i.e. what is known about our cognition a priori. Metaphysics seeks to discover the transcendental conditions of human cognition, in other words, the first and most general concepts and principles (ibid., pp. 6-8). Krug subdivides metaphysics into pure metaphysics (ontology), which establishes transcendental principles and concepts in themselves, i.e. how they relate to objects (Gegenstände) in general, and applied metaphysics which determines how transcendental concepts and principles relate to certain objects (ibid., p. 16).

⁸ “Der transzendentale Synthetismus erkennt die jedem Menschen von gesundem Verstande natürliche und nothwendige dreifache Überzeugung von seinem eignen Seyn, von dem Seyn andrer Dinge außer ihm, und von der zwischen ihm und diesen Dingen stattfindenden Gemeinschaft als gültig an und behauptet, daß diese Überzeugungen gar nicht durch Beweise von der philosophirenden Vernunft erst zu begründen, aber nichts desto weniger unumstößlich gewiß sind, weil sie ursprünglich sind.”

ку немецкий философ подразделяет на чистую метафизику (онтологию), устанавливающую трансцендентальные принципы и понятия сами по себе, то есть как они относятся к предметам (Gegenstand) вообще, и прикладную метафизику, определяющую, как трансцендентальные понятия и принципы относятся к определенным предметам (Ibid., S. 16).

Онтология, пишет Круг, исходит из суждения «я познаю», представляющего непосредственно достоверный факт сознания. Данное суждение философ называет высшим материальным принципом метафизики (Ibid., S. 20). Глагол «знать» (Erkennen) Круг определяет как представление чего-либо в качестве определенного предмета (Gegenstand), то есть «знать» означает относить собственные представления к предмету моего познания, который полагается как нечто реальное, в отличие от простого представления. Истинность этой предпосылки не может быть выведена из более высокого принципа, но содержится в изначальной связи бытия и знания — в трансцендентальном синтезе реального и идеального. Именно здесь, по мнению немецкого мыслителя, обнаруживается «абсолютный предел всякой философии», и, соответственно, данная предпосылка необъяснима и непостижима (Ibid., S. 20–21).

Итак, «положение “я познаю”... эквивалентно следующему положению: “существует реальное, которому соответствуют определенные представления в нас и которое познается нами именно через эти представления”» (Ibid., S. 21). Как следствие, реальность познаваемого признается непосредственно в самом акте познания, значит, пишет Круг, «философ не может отделить реальность вещей от них самих, объяснить и понять ее как вещь, существующую саму по себе, и получить знание о реальности вещей отдельно от знания вещей» (Ibid., S. 23). Вместе с тем в познании Круг выделяет два взаимосвязанных фактора: возникающий из деятельности души субъективный,

Ontology, writes Krug, proceeds from the proposition “I cognise”, which is the immediate authentic fact of consciousness. He calls this judgment the highest material principle of metaphysics (*ibid.*, p. 20). He defines the verb “to cognise” (*Erkennen*) as representation of something as a certain object (*Gegenstand*), i.e. “to cognise” means to refer my own representations to the object of my cognition which is posited as something real as distinct from a simple representation. The trueness of this premise cannot be derived from a higher principle, but is contained in the initial link between being and knowledge, in the transcendental synthesis of the real and the ideal. It is here, Krug maintains, that lies the “absolute limit of all philosophy”⁹, and accordingly his premise is unexplainable and unfathomable (*ibid.*, pp. 20-21).

Thus, “the proposition ‘I cognise’ [...] is equivalent to the following proposition: ‘there exists the real, which is matched by certain representations within us and which is cognised by us precisely through these representations’”¹⁰ (*ibid.*, p. 21). Consequently, the reality of the objects cognised is recognised in the act of cognition, hence, writes Krug, “the philosopher cannot separate the reality of things from the things themselves, explain and understand the thing as a thing existing in itself, and gain knowledge of the reality of things separately from the knowledge of things”¹¹ (*ibid.*, p. 23). At the same time Krug singles out two inter-connected factors in consciousness: the subjective, or formal element emerging from the activity of the soul

⁹ “[...] der absolute Gränzpunkt alles Philosophirens [...]”

¹⁰ “Der Satz: Ich erkenne [...] ist [...] gleichgeltend dem Satze: Es giebt ein Reales, dem gewisse Vorstellungen in uns entsprechen und welches eben durch diese Vorstellungen von uns erkannt wird.”

¹¹ “Daher kann aber auch der Philosoph nicht die Realität der Dinge von denselben losreißen, als ein für sich bestehendes Ding erklären und begreifen, und eine von der Erkenntniss der Dinge abgesonderte Erkenntniss der Realität des Dinge sich verschaffen [...]”

или формальный, элемент и привнесенный в душу объективный, или материальный, элемент (Ibid., S. 25; ср.: В 34; Кант, 2006, с. 89–91). Отсюда философ дедуцирует высший формальный принцип метафизики, или высший закон познания: все, что душа воспринимает в реальной вещи по ее первоначальному образу действия, должно принадлежать ей, поскольку она является предметом познания. Иными словами, во всяком познании мы должны предполагать наряду с реальностью познаваемого также познаваемость этой вещи в ее реальности. В противном случае бесполезно исследовать законы познания, выходящие за пределы законов мышления, которые уже установила логика. Следовательно, предметы мы можем исследовать как предметы познания, то есть вещи для нас, но никогда как вещи сами по себе, то есть независимо от нашего познания (Krug, 1830, S. 27–28; ср.: В 59; Кант, 2006, с. 119).

Попытка же познания вещей самих по себе выходит за абсолютный предел философствования и, соответственно, является трансцендентной задачей, отменяющей изначальную связь реального и идеального в мышлении, поскольку стремится исследовать реальное вне зависимости от трансцендентального синтеза (Krug, 1830, S. 29). Само понятие «вещи самой по себе» Круг характеризует как только «ограничивающее понятие познания» («ein blosser Gränzbegriff der Erkenntniss»), указывающее на границу, внутри которой может быть эффективна способность познания и может быть обеспечено истинное содержание познания. По содержанию вещи сами по себе нам совершенно неизвестны и недостижимы для нашего познания (Ibid., S. 29–30). Таким образом, данные нам предметы познания (реальные вещи) суть явления; предметам познания противоположны ноумены (мыслимые вещи) (Ibid., S. 31; ср.: В 307; Кант, 2006, с. 405–407).

Об отношении своей позиции касательно познаваемости предметов познания и вещей самих по себе к кантовскому трансцендентальному идеализму Круг заявляет следующее:

and the objective or material element (*ibid.*, p. 25; cf. *KrV*, B 34; Kant, 1998, pp. 172-173). From this the philosopher deduces the highest formal principle of metaphysics, or the highest law of cognition: all that the soul perceives in the real thing from its initial mode of action must belong to it because it is the object of cognition. In other words, in all cognition we must posit, along with the reality of what is cognised, also the cognisability of this thing in its reality. Otherwise it would be futile to investigate the laws of cognition which go beyond the laws of thought already established by logic. Hence, we can study things as objects of cognition, i.e. as things for us, but never as things in themselves, i.e. independently from our cognition (Krug, 1830, pp. 27-28; cf. *KrV*, B 59; Kant, 1998, p. 185).

The attempt to cognise things in themselves transcends the absolute limit of philosophising and is thus a transcendental task which cancels the initial link between the real and the ideal in thought insofar as it seeks to research the real independently from transcendental synthesis (Krug, 1830, p. 29). Krug characterises the concept of “thing in itself” as merely “limiting the concept of cognition” (*ein blosser Gränzbegriff der Erkenntniss*) indicating the boundary within which the cognitive faculty can be effective and the true content of cognition can be ensured. Content-wise, things in themselves are totally unknown and incomprehensible for our cognition (*ibid.*, pp. 29-30). Thus, the objects of cognition given us (real things) are phenomena; the objects of cognition are opposed by noumena (things thought) (*ibid.*, p. 31; cf. *KrV*, B 307; Kant, 1998, p. 360).

As for the relation of his position on cognisability of the objects of cognition and things in themselves to Kantian transcendental idealism, Krug (1830, pp. 32-33) has this to say:

Итак, если трансцендентальный (также формальный или критический) идеализм, как его называет Кант, не отрицает реальное бытие объектов познания, но лишь утверждает, что они познаваемы не как вещи сами по себе, а лишь как явления... если, таким образом, он трансцендентальный предмет полагает в основу явлений, но утверждает его недостижимость через наши представления или непознаваемость и объявляет его простым нонуменом в отрицательном смысле, то трансцендентальный идеализм в этом смысле, пожалуй, вполне допустим, хотя тогда его правильнее было бы называть трансцендентальным синтетизмом (Krug, 1830, S. 32–33).

В противном случае, когда утверждается, что внешний мир — это отражение нашей внутренней деятельности, а понятие вещи самой по себе признается ничтожным, замечает Круг, трансцендентальный идеализм переходит абсолютный предел философствования и становится трансцендентным, так же как и в случае утверждения, согласно которому явления тождественны вещам самим по себе (Ibid.).

Исследование законов познания возможно только посредством анализа самой способности познания во всех видах и направлениях ее деятельности, поэтому Круг переходит к рассмотрению трех потенций теоретической деятельности нашего «Я» в трех соответствующих разделах: «Аналитика чувственности», «Аналитика рассудка» и «Аналитика разума» (Ibid., S. 33–34).

Чувственность является способностью души получать представления (Vorstellung) посредством аффицирования. В результате деятельности чувственной способности возникают восприятия (Wahrnehmungen), или созерцания (Anschauungen), и ощущения (Empfindungen) (Ibid., S. 36). Восприятие, согласно Кругу, есть непосредственное представление об объекте в соответствии с предшествующим влиянием души. Термины «созерцание» и «ощущение» в широком смысле используются как равноценные для обозначения чувственных представ-

Thus, if transcendental (also formal or critical) idealism, as it is called by Kant, does not deny the existence of the objects of cognition, but merely asserts that they are cognisable not as things in themselves but merely as phenomena [...] if therefore it puts the transcendental object at the basis of phenomena, but asserts it is unattainable through our representations or unknowability and declares it to be a simple noumen in the negative sense, then transcendental idealism in that sense is probably quite attainable, although it would then be more correct to call it transcendental synthetism¹².

Otherwise, when it is claimed that the external world is a reflection of our inner activity and the concept of the thing in itself is nullified, transcendental idealism, as Krug notes, mutates into an absolute limit of philosophising and becomes transcendental, just as in the case of the claim that phenomena are identical to things in themselves (*ibid.*).

The study of the laws of cognition is possible only through analysis of the faculty of cognition in all shapes and directions of its activity. This is why Krug passes on to the study of the three potentialities of the theoretical activity of our “I” in three corresponding parts: “Analysis of sensuality”, “Analysis of understanding” and “Analysis of Reason” (*ibid.*, pp. 33-34).

Sensuality is the capacity of the soul to receive representations (*Vorstellungen*) through affection. The activity of senses creates

¹² “Wenn nun der von Kant sogenannte transzendente (auch formale oder kritische) Idealismus das reale Sein der Erkenntnisgegenstände nicht leugnet, sondern nur behauptet, dass dieselben nicht als Dinge an sich, sondern bloß als Erscheinungen [...] erkennbar seien; wenn er mithin den Erscheinungen zwar einen transzendenten Gegenstand zum Grunde legt, aber dessen Unerreichbarkeit durch unsre Vorstellungen oder Nichterkennbarkeit behauptet und denselben für ein bloßes Noumen in negativer Bedeutung erklärt: so kann der transzendente Idealismus in diesem Sinne wohl zugelassen werden, ob er gleich dann schicklicher ein transzendenter Synthetismus [...] genannt würde.”

лений вообще (ср.: В 33–34; Кант, 2006, с. 89). Созерцанием в узком смысле философ называет представления зрения, поскольку в них наибольшая чувственная ясность объективного, а ощущением — представления, возникающие посредством других органов чувств, где наблюдается большее влияние состояний души на восприятие (Krug, 1830, S. 37).

Далее Круг переходит к исследованию того, каким образом возникает представление в душе: что необходимо душе, чтобы нечто данное было ею схвачено и возникло представление, то есть к исследованию форм чувственности. Немецкий философ отличает в представлении то, что дано, — материю — и способ, благодаря которому возможны чувственные представления, — форму — как определенное априорное условие возможности чувственных представлений. Круг выделяет две формы чувственности: для внешнего чувства — пространство, для внутреннего — время (Ibid., S. 38–40). При этом он подчеркивает, что пространство и время не являются ни реальными вещами, независимыми от нас, ни свойствами таких вещей, ни простыми относительными понятиями, ни даже пустыми выдумками, а выступают первоначальными представлениями чувственной способности души (Ibid., S. 42–43). Вместе с тем Круг характеризует пространство и время как чистые, общие и необходимые чувственные представления, или созерцания, но в то же время обращает внимание на то, что пространство и время возникают априорно, а не являются врожденными (Ibid., S. 48–49). Наконец, представления пространства и времени, согласно Кругу, обладают трансцендентальной идеальностью и эмпирической реальностью (Ibid., S. 52; ср.: В 36–53; Кант, 2006, с. 93–113).

Далее Круг переходит к исследованию рассудочной деятельности, которую рассматривает не аналитически — как простое мышление с его законами, а синтетически — как мышление реальных предметов (Krug, 1830, S. 65; 1806,

perceptions (*Wahrnehmungen*), or intuitions (*Anschauungen*) and sensations (*Empfindungen*) (ibid., p. 36). Perception, according to Krug, is an immediate representation of the object in accordance with the preceding influence of the soul. The terms “intuition” and “sensation” in the broad sense are used interchangeably to refer to sensuous representations in general (cf. *KrV*, В 33–34; Kant, 1998, p. 172). Krug (1830, p. 37) uses intuition in the narrow sense to refer to representations of sight because they offer the greatest clarity of the objective and sensation to refer to representations that arise through other senses where states of the soul influence perception more.

Krug then turns to the study of how representation arises in the soul: what the soul needs to be able to capture what is given and produce a representation, i.e. the study of the forms of sensuality. In representation, Krug distinguishes what is given — matter — and the method that makes sensuous representations possible — form — as a certain *a priori* condition of the possibility of sensuous representations. He identifies two forms of sensuality: for the external feeling (space) and for the internal feeling (time) (ibid., pp. 38–40). He stresses that space and time are not real things independent from us, nor properties of such things, nor simple relative concepts, nor even figments of imagination, but they are initial representations of the soul’s sensuous capacity (ibid., pp. 42–43). At the same time Krug describes space and time as pure, general and necessary sensuous representations, or intuitions, while stressing that space and time exist *a priori* and are not inborn (ibid., pp. 48–49). Finally, representations of space and time, according to Krug, are transcendently ideal and empirically real (ibid., p. 52; cf. *KrV*, В 36–53; Kant, 1998, pp. 173–182).

Krug (1830, p. 65; 1806, p. 20) then passes on to the study of understanding, which he

S. 20). Аналитическое мышление философ рассматривал в 1-м томе своей «Системы теоретической философии» под названием «Учение о мышлении, или логика» (1806). Здесь философ указывает на высший материальный принцип теоретической философии: «Я» теоретически деятельно (*theoretisch thätig*), поскольку оно представляет и познает (Krug, 1806, S. 6); а также на высший формальный принцип теоретической философии: «Все, что абсолютно гармонично вписывается в возможную систему идей и познаний, истинно; все, что не вписывается, ложно» (Ibid., S. 7–8). Логика, согласно Кругу, — это учение о чистом мышлении и его закономерностях. Способность мышления также можно назвать рассудком или разумом, которые в широком смысле тождественны. Следовательно, логика может быть определена как наука о закономерном использовании рассудка и разума (Ibid., S. 16, 20).

В отношении рассудочной деятельности метафизика занимается исследованием способа мышления реальных предметов посредством понятий в соответствии с изначальными законами или формами рассудка (ср.: В 79–82; Кант, 2006, с. 143–145). Получая через чувственность многообразие вещей в пространстве и времени, рассудок отделяет и различает характеристики чувственно воспринимаемых предметов, рефлексивирует о выявленных характеристиках как о принадлежащих друг другу, объединяет их в единство высшего представления, или в высшее единство сознания, образуя таким образом понятие, и, наконец, соотносит образованные понятия с чувственно воспринимаемыми предметами, чтобы отличить друг от друга определенные им вещи. Именно в такой деятельности и состоит, согласно Кругу, синтетическое мышление (Krug, 1830, S. 65–67): «познавание, поэтому, есть не что иное, как образование и отнесение понятий к данным предметам, благодаря чему они отличаются от других как определенные вещи» (Ibid., S. 67–68; ср.: В 102–104; Кант, 2006, с. 169–171).

examines not analytically, simply as thinking with its laws, but synthetically, as the thinking of real objects. He examined analytical thinking in the first volume of his *System of Theoretical Philosophy* titled “The Doctrine of Thought, or Logic” (1806). In it he points to the highest material principle of theoretical philosophy: the “I” is theoretically active (*theoretisch thätig*), because it represents and cognises (Krug, 1806, p. 6); as well as the highest formal principle of theoretical philosophy: “All that absolutely harmoniously fits into the possible system of ideas and knowledge is true; all that does not fit in, is false”¹³ (*ibid.*, pp. 7-8). Logic, according to Krug, is a teaching on pure thinking and its regularities. The capacity to think can also be called understanding or reason, which are broadly identical. Consequently, logic can be defined as the science of rule-based use of understanding and reason (*ibid.*, p. 16, 20).

As for the activity of understanding, metaphysics studies the method of thinking real objects through concepts in accordance with initial laws or forms of understanding (*cf. KrV*, В 79-82; Kant, 1998, pp. 195–197). Receiving through the senses the multiplicity of things in space and time, understanding separates and distinguishes the characteristics of sensually perceived things, reflects on the revealed characteristics as belonging to each other, combines them into a unity of higher representation, or the highest unity of consciousness to form a concept and, finally, relates the concepts formed to sensually perceived objects in order to distinguish things it has determined from each other. Krug (1830, pp. 65-67) describes this activity as synthetic thinking: “cognition is thus nothing other than the formation and attachment of concepts to given things, owing to which they differ from

¹³ “Was in ein mögliches System absolut harmonischer Vorstellungen und Erkenntnisse paßt, das ist wahr; was nicht, unwahr.”

Для открытия изначальных форм мышления Круг обращается, как и Кант (В 95–107; Кант, 2006, с. 161–173), к изначальным формам суждений, поскольку они должны находиться в самом точном отношении к первоначальным рассудочным понятиям, или категориям (Krug, 1830, S. 73), которые характеризуются им как чистые, общие и необходимые понятия. Далее Круг делает оговорку, что под категориями понимаются не только первоначальные рассудочные понятия, но и все первоначальные предикаты предметов познания. Так же как и в логике (см.: Krug, 1806, S. 92–93), в метафизике понятия применительно к предметам можно рассматривать с точки зрения их количества, качества, отношения и модальности (Krug, 1830, S. 75–76; ср.: В 105–108; Кант, 2006, с. 171–175). Здесь Круг следует за таблицей категорий Канта с той разницей, что приписывает первой категории качества — реальности — более высокое достоинство по отношению к другим категориям (Krug, 1830, S. 78), поскольку, как было показано выше, мы, по Кругу, всегда предполагаем реальность предметов познания и всегда им предцируем эту реальность как фундаментальный предикат в мысли. Следовательно, в систематической теории познавательной способности (*Theorie des Erkenntnisvermögens*) категория реальности должна предшествовать всем другим и быть поставлена выше остальных категорий как первая, или первичная, категория (*Ibid.*, S. 26–27).

Разум (*Vernunft*) Круг определяет как способность познавать из принципов, или искать условия для данного обусловленного, то есть искать безусловное, или Абсолют (*Ibid.*, S. 169–170; ср.: В 355–356; Кант, 2006, с. 461–463). Абсолют не дан в опыте, поэтому, по мысли Круга, разум должен исследовать Абсолют в себе и через себя. У Круга разум предстает как своеобразный источник возможных представлений и знаний, независимый от всякого опыта, следовательно, он может быть назван чистым тео-

other things as definite things”¹⁴ (*ibid.*, pp. 67–68; cf. *KrV*, В 102–104; Kant, 1998, pp. 210–211).

To discover primary forms of thinking Krug, like Kant (*KrV*, В 95–107; Kant, 1998, pp. 206–213) turns to the initial forms of judgments since they should correlate exactly with the primary concepts of understanding, or categories (Krug, 1830, p. 73), which he describes as pure, general and necessary concepts. Krug makes the reservation that by categories he means not only primary concepts of understanding but all the primary predicates of the objects of cognition. Like in logic (see Krug, 1806, pp. 92–93), metaphysics can study objects in terms of their quantity, quality and relations to modality (Krug, 1830, pp. 75–76; cf. *KrV*, В 105–108; Kant, 1998, pp. 211–214). Here Krug (1830, p. 78) follows Kant’s table of categories, except that he ascribes to the first category of quality — reality — higher value than to other categories, because, as has been pointed out above, we always posit the reality of the objects of cognition and always predicate their reality as the fundamental predicate of thought. Consequently, in the systematic theory of cognitive capacity (*Theorie des Erkenntnisvermögens*) the category of reality must precede all the other categories and must be put above the other categories as the first or primary category (*ibid.*, pp. 26–27).

Krug defines reason (*Vernunft*) as the capacity to cognise from principles, or to inspect conditions for a given conditioned, i.e. to search for the unconditional, or the Absolute (*ibid.*, pp. 169–170; cf. *KrV*, В 355–356; Kant, 1998, pp. 387–388). The Absolute is not given in experience, such that reason should explore the Absolute within itself and through itself. For Krug reason is, as it were, a source of possible representations and knowledge independent from any experience,

¹⁴ “Das Erkennen ist daher nichts anders als ein Bilden und Beziehen von Begriffen auf gegebene Gegenstände, wodurch sie als bestimmte Dinge von andern unterschieden werden.”

ретическим разумом, а понятия, к которым он приводит, — чистыми понятиями разума, или трансцендентальными идеями. Хотя идеи есть не что иное, как возведенные в степень безусловности категории, разница между ними состоит в том, что последние относятся к предметам возможного опыта, в то время как первые — к Абсолюту. Но вместе с тем любая попытка мыслить Абсолют как предмет невозможна без расщудочных категорий (Krug, 1830, S. 174–175; ср.: В 380–385; Кант, 2006, с. 489–495).

Для поиска и определения чистых идей разума Круг отгалкивается от взаимосвязи между формами умозаключения разума как логической способности и чистыми идеями разума как метафизической способности. Таким образом, немецкий философ указывает на психологическую идею (идею души), космологическую идею (идею мира как целого) и теологическую идею (идею о Божестве) (Krug, 1830, S. 176–177). Посредством идей чистый разум приводит в систему все свои познания, начиная от познания себя, души к познанию мира, а через него — к Первосуществу. Содержание идей, отмечает философ, по своему характеру сверхчувственное, значит, идеи суть ноумены и никакое знание о безусловном в строгом смысле невозможно, так же как невозможно доказать посредством спекуляции ни объективную значимость трансцендентальных идей, ни то, что идеи — «химеры, которым вообще ничего не соответствует, кроме мысли» (Ibid., S. 181; ср.: В 390–394; Кант, 2006, с. 501–505). В итоге о сверхчувственном мы не можем ничего знать, но мы можем, согласно Кругу, верить в сверхчувственное на субъективных практических основаниях, то есть с моральной уверенностью (Krug, 1830, S. 179–181; ср.: В 825–828; Кант, 2006, с. 1003–1007).

На основании представленных выше историко-философских оценок, а также анализа концепции трансцендентального синтетизма Круга можно сделать вывод о том, что его теоре-

hence it can be called pure theoretical reason and the concepts it leads to can be called pure concepts of reason, or transcendental ideas. Although ideas are just categories elevated to the degree of unconditionality, the difference between them is that the latter are objects of possible experience whereas the former are the Absolute. At the same time no attempt to think the Absolute as an object is possible without the categories of understanding (Krug, 1830, pp. 174-175; cf. *KrV*, B 380-385; Kant, 1998, pp. 400–403).

To search and define pure ideas of reason Krug proceeds from the interconnection between the forms of inferences of reason as a logical faculty and pure ideas of reason as a metaphysical faculty. Thus he identifies the psychological idea (the idea of the soul), the cosmological idea (the idea of the world as a whole) and the theological idea (the idea of Deity) (Krug, 1830, pp. 176-177). Through ideas pure reason systematises all its knowledge, starting from knowledge of itself, the soul, knowledge of the world and through it, the First entity. The content of ideas, Krug argues, is essentially supra-sensual, so ideas are noumena and no knowledge of the unconditional in the strict sense is possible, just as it is impossible to prove by speculation the objective significance of transcendental ideas and that ideas are “chimeras to which nothing corresponds except thought”¹⁵ (*ibid.*, p. 181; cf. *KrV*, B 390-394; Kant, 1998, pp. 405-407). As a result, we cannot know anything about the supra-sensual, but we can, according to Krug (1830, pp. 179-181), believe in the supra-sensual on subjective practical grounds, i.e. with moral conviction (cf. *KrV*, B 825-828; Kant, 1998, pp. 673-674).

The above historical-philosophical assessments and the analysis of Krug’s concept

¹⁵ “[...] es seien jene Ideen nichts als Schimären, denen gar nichts außer dem bloßen Gedanken entspreche.”

тическая философия принимает во внимание ряд положений кантовского трансцендентализма, но базовая предпосылка все же выходит за рамки учения Кёнигсбергского мыслителя. Кантианская составляющая сосредоточена преимущественно в более поздних трудах Круга и касается учения об априорных формах чувственности, рассудка и теоретического разума, в то время как в более ранней «Фундаментальной философии», где впервые предложена концепция «трансцендентального синтетизма», обнаруживаются явные следы вольфианской эмпирической психологии (см.: Жучков, 2001, с. 19) и установок философии здравого смысла. Это проявляется прежде всего в опоре философского сознания на самоочевидные факты сознания, для которого абсолютным пределом философствования выступает изначальный синтез мышления и бытия. При этом, согласно Кругу, в трансцендентальном синтезе признаются без каких-либо доказательств три «необходимых» и «естественных» убеждения: в идеальном бытии, в реальном бытии и в общности между ними. Такой взгляд, представляющий в кантовской перспективе догму, непригодную для спекуляции (В 765–766; Кант, 2006, с. 71), обусловлен тем, что Круг помещает философское сознание в границы эмпирического «Я». Таким образом, между ранними и более поздними взглядами Круга имеется явное расхождение: установив в «Фундаментальной философии» абсолютную границу философствования данным в «Я» синтезом бытия и мышления, он в более поздних работах стремится исследовать априорные формы познания посредством анализа опыта, или фактов сознания, которые по определению случайны и не обладают всеобщностью и необходимостью. Более того, Круг явно выходит за рамки кантовского понимания метафизики как науки, которую составляют синтетические положения *a priori* (В 18; Там же, с. 71). В этом отношении вполне справедлива оценка К. Кёнке:

of transcendental synthetism warrant the conclusion that although his theoretical philosophy does take into account some provisions of Kantian transcendentalism, his basic premise goes beyond the framework of Kant's doctrine. The Kantian component is concentrated mainly in Krug's later works and is connected with the doctrine of *a priori* forms of sensibility, understanding and theoretical reason. Meanwhile, his earlier work, *Fundamental Philosophy*, in which the concept of "transcendental synthetism" first appears, reveals clear traces of Wolffian empirical psychology (see Zhuchkov, 2001, p. 19) and the principles of the philosophy of common sense. This shows first and foremost in the reliance of philosophical consciousness on self-evident facts of consciousness for which the initial synthesis of thought and being is the absolute limit of philosophising. On Krug's view, transcendental synthesis accepts without any proof three "necessary" and "natural" convictions: the ideal being, real being and the link between them. This view, which in the Kantian perspective is a dogma that is not subject to speculation (*KrV*, В 765-766; Kant, 1998, pp. 642-643), stems from the fact that Krug places philosophical consciousness within the empirical "I". This shows the difference between Krug's earlier and later views: having drawn, in *Fundamental Philosophy*, an absolute boundary of philosophising in the synthesis of being and thought within "I", in his later works he tries to explore *a priori* forms of cognition by analysing experience, or facts of consciousness which are, by definition, random and are neither universal nor necessary. Moreover, Krug obviously goes beyond the framework of the Kantian view of metaphysics as a science constituted by synthetic *a priori* propositions (*KrV*, В 18; Kant, 1998, p. 145). One can go along with Koehnke (1991, p. 43) who wrote that Krug did not need a theory of the

Кругу не требовалась теория возможности, или границ, познания, а его «учение о познании» (*Erkenntnislehre*) не является «теорией познания» (*Erkenntnistheorie*) (Köhnke, 1991, p. 43). Вместе с тем Круг разделяет кантовский взгляд на непознаваемость вещей самих по себе (В 66; Кант, 2006, с. 127) и невозможность познания посредством идей чистого теоретического разума, область применения которых — практический интерес (см.: В 825; Там же, с. 1001).

Идеи Круга в лекциях по метафизике Кудрявцева-Платонова

Знакомство Кудрявцева с философскими взглядами Круга уходит корнями еще в годы его обучения (1848–1852) в Московской духовной академии (далее — МДА). По крайней мере в неизданных рукописях Кудрявцева, относящихся к раннему периоду его преподавательской деятельности в МДА, можно найти не только упоминания самого Круга, но и изложение его идей. Речь идет о конспекте лекций по метафизике, хранящемся в отделе рукописей Российской государственной библиотеки в виде двух манускриптов: 1) «Лекции по метафизике 1854»; 2) «Аналитика чувственного познания», «Аналитика рассудочного познания», «Аналитика умственного познания» — курс лекций 1854, 1856, 1874».

«Лекции по метафизике» представляют собой пропедевтический материал для всего курса в виде четырех занятий. Первые два посвящены вопросам о том, что такое философия, каково ее значение в России и за рубежом, что такое истина и что такое метафизика, а третье и четвертое — разбору философского догматизма, здравого смысла, скептицизма, критицизма и взаимоотношения реального и идеального. Здесь Кудрявцев неоднократно ссылается на «Фундаментальную философию» Круга, точнее, на параграф из «Учения о началах» о различии между философией и «общим разу-

possibility or boundaries of cognition and that his “doctrine of cognition” (*Erkenntnislehre*), is not “a theory of cognition” (*Erkenntnistheorie*). At the same time Krug shares Kant’s view on unknowability of things in themselves (*KrV*, В 66; Kant, 1998, p. 188) and on impossibility of cognition through ideas of pure theoretical reason whose area of relevance is practical interest (see *KrV*, В 825; Kant, 1998, p. 673).

Krug’s Ideas in Kudryavtsev-Platonov’s Lectures on Metaphysics

Kudryavtsev’s first exposure to the philosophical views of Krug goes back to the years of his study at the Moscow Theological Academy (elsewhere MTA) (1848–1852). At least his unpublished manuscripts belonging to the early period of his teaching at the MTA contain references to and renderings of his ideas. The reference here is to the notes of lectures on metaphysics available at the manuscript department of the Russian State Library in the shape of two manuscripts: 1) “Lectures on Metaphysics 1854”; and 2) “Analytics of Sensual Cognition, Analytics of Understanding Cognition and Analytics of Intellectual Cognition — Course of Lectures 1854, 1856 and 1874”.

“Lectures on Metaphysics” constitute propaedeutic material for the entire course in the shape of four classes. The first two are devoted to the questions ‘what is philosophy’, ‘what is its significance in Russia and beyond’, ‘what is truth’ and ‘what is metaphysics’, and the third and fourth classes are devoted to philosophical dogmatism, common sense, scepticism, criticism and the relation between the real and the ideal. Here Kudryavtsev refers more than once to Krug’s *Fundamental Philosophy*, specifically to the paragraph from the “teaching on first principles” about the difference between philosophy and “common

мом» (Кудрявцев-Платонов, 1854, л. 24; ср.: Krug, 1803, S. 168), на страницы с цитатами из Фихте (Кудрявцев-Платонов, 1854, л. 28–29; Krug, 1803, S. 117, 122) и, главное, на концепцию философского, или трансцендентального, синтетизма Круга (Кудрявцев-Платонов, 1854, л. 32). Также русский философ ссылается на разделы «Учения о методе» из той же работы Круга, когда заходит речь об общих началах философии, в частности о философском догматизме (Там же, л. 20; ср.: Krug, 1803, S. 305) и о скептицизме (Кудрявцев-Платонов, 1854, л. 26; ср.: Krug, 1803, S. 308). Вместе с тем ближе к концу рукописи встречаются неявные отсылки ко 2-му тому «Системы теоретической философии» Круга. В частности, речь идет об истории термина «метафизика», разделении метафизики на чистую и прикладную, а также об именовании чистой метафизики учением о познании и в то же время онтологией, потому что последняя занята исследованием самой способности познания (Кудрявцев-Платонов, 1854, л. 34–35; ср.: Krug, 1830, S. 3–4, 16, 19).

Относительно философского синтетизма Кудрявцев пишет, что в нем первоначальным принципом полагается факт самосознания, которое есть начало всякого познания и, в частности, метафизики. Посредством анализа нашего познания мы обнаруживаем в нем три коренных убеждения, или начала, не требующих никакого доказательства: существование нашего «я», существование «не-я» и существование отношения между «я» и «не-я». Последним убеждением утверждается действительность нашего познания (Кудрявцев-Платонов, 1854, л. 32). Дальше русский философ отмечает, что в представленных началах чего-то недостает, а именно более высокого всеобщего, необходимого и несомненного для философского познания начала, чем непосредственное убеждение (Там же, л. 33). В любом случае необходимо сначала отталкиваться от первоначальных фактов сознания, которые должны стать предметом философского изучения (критического

reason” (Kudryavtsev, 1854, sheet 24; cf. Krug, 1803, p. 168), the pages with quotations from Fichte (Kudryavtsev, 1854, sheet 28, 29; Krug, 1803, p. 117, 122), and most importantly, Krug’s concept of philosophical, or transcendental synthetism (Kudryavtsev, 1854, sheet 32). The Russian philosopher also refers to sections from “The Doctrine of Method” from the same work of Krug when he speaks about the general principles of philosophy, in particular about philosophical dogmatism (*ibid.*, sheet 20; cf. Krug, 1803, p. 305) and about scepticism (Kudryavtsev, 1854, sheet 26; cf. Krug, 1803, p. 308). At the same time closer to the end of the manuscript oblique references crop up to the second volume of Krug’s *System of Theoretical Philosophy*. In particular, they have to do with the history of the term metaphysics, the division of metaphysics into pure and applied, as well as the naming of pure metaphysics as a doctrine of cognition and at the same time as ontology because the latter explores the faculty of cognition (Kudryavtsev, 1854, sheet 34-35; cf. Krug, 1830, pp. 3-4, 16, 19).

As regards philosophical synthetism, Kudryavtsev writes that its primary principle is the fact of self-consciousness which is the beginning of all cognition, including metaphysics. Analysing our cognition we find three root convictions, or principles, which need no proof: the existence of our “I”, the existence of “non-I” and the existence of the relation between “I” and “non-I”. The last principle affirms the reality of our cognition (*ibid.*, sheet 32). Next, Kudryavtsev notes that something is missing in the above principles, namely, the universal which is necessary and indisputable for philosophical cognition, a principle that is higher than any specific conviction (*ibid.*, sheet 33). In any case it is necessary to begin with the primary facts of consciousness which should be the subject

разбора). Соответственно, необходимо определить, что непосредственно принадлежит первоначально, априорно нашему «я»; что такое познание; каково отношение законов нашего мышления и законов бытия. Подобная методологическая установка у Кудрявцева ассоциируется с критицизмом и, по мнению философа, позволяет перейти к построению положительной метафизики (Там же, л. 33–34). Систему такой метафизики Кудрявцев предлагает назвать объективным идеализмом, поскольку она не ограничивается только субъективно-идеальной действительностью, но признает идеализм действительным для объективного мира и старается найти связь и единство между реальным и идеальным (Там же, л. 34).

Часть философского познания, занимающаяся поиском основных начал мышления и бытия, а также определением их взаимоотношения, может быть названа, согласно Кудрявцеву, чистой метафизикой либо, согласно источнику, из которого она заимствует свои познания, субъективной метафизикой. Эта часть метафизики, пишет русский философ, имеет различные названия: онтология, гносеология, «Критика чистого разума» у Канта, «Логика» у Гегеля, на полях Кудрявцев также приводит термин, встречающийся у Круга: «*reine Erkenntnislehre*» («учение о чистом познании»), но сам русский философ останавливается на более употребительном названии — «онтология». Другая часть метафизики, характеризующаяся как прикладная, или объективная, имеет своим предметом идею Абсолютного в ее проявлении в действительном мире и подразделяется на естественное богословие (учение об Абсолютном самом в себе), пневматологию (учение о проявлении Абсолютного в духовном мире) и космологию (учение о проявлении Абсолютного в чувственном мире) (Там же).

Небезынтересно и то, что Кудрявцев в «Лекциях по метафизике» единожды упоминает и виднейших представителей шотландской школы здравого смысла — Т. Рида, Дж. Битти,

of philosophical study (critical scrutiny). Accordingly, it is first necessary to determine what belongs to the “I” *a priori*; what is cognition and what is the relationship between the laws of our thought and the laws of being. Kudryavtsev believes that this methodological approach, associated with criticism, makes it possible to start building positive metaphysics (*ibid.*, sheets 33-34). He suggests calling such metaphysics objective idealism, because it is not limited to subjective-ideal reality, but recognises idealism as real for the objective world and tries to find a connection and unity between the real and the ideal (*ibid.*, sheet 34).

The part of philosophical knowledge dealing with the search for the basic principles of thought and being, as well as the definition of the relationship between them may, according to Kudryavtsev, be called pure metaphysics in accordance with the source from which it draws its knowledge, i.e. subjective metaphysics. This part of metaphysics, writes the Russian philosopher, has various appellations: ontology, epistemology, *Critique of Pure Reason* with Kant, *Logic* with Hegel. On the margins he mentions Krug’s term *reine Erkenntnislehre* (doctrine of pure cognition), but he himself settles for the more frequent term “ontology”. The other part of metaphysics characterised as applied or objective, is engaged with the idea of the Absolute and its manifestation in the real world. It is subdivided into natural theology (teaching on the Absolute in itself), pneumatology (teaching on the manifestation of the Absolute in the spiritual world) and cosmology (teaching on the manifestation of the Absolute in the sensual world) (*ibid.*).

It is worth noting that Kudryavtsev in “Lectures on Metaphysics” mentions (once) prominent representatives of the Scottish school of common sense, Thomas Reid, James

Дж. Освальда, Д. Стюарта (Там же, л. 22) — в контексте рассуждений о философии «общего смысла», который он определяет как «чувство истины, общее всем людям или... большей части их», или «всеобщий разум», служащий критерием очевидности и достоверности (Там же). При этом русский философ отмечает явный «антифилософский характер» такого направления. В философии здравого смысла, пишет Кудрявцев, общие начала, а вместе с ними законы познания и бытия открываются не при помощи непосредственных представлений и данных фактов, а посредством убеждений здравого смысла. Но сами убеждения здравого смысла, в свою очередь, представляют также нерешенную проблему (Там же, л. 22–23) и, по мнению русского философа, не являются началом всеобщим и безусловно-истинным (Там же, л. 24).

Впоследствии представленный разбор философии здравого смысла получит отражение в статье Кудрявцева «Об основных началах философского познания» (1885). Здесь русский философ также выступает с критикой основного принципа здравого смысла — принципа чувства, или веры, как фундамента знания, основным выразителем которого он называет Ф. Г. Якоби (1743–1819) (Кудрявцев-Платонов, 1914а, с. 21–22). В результате анализа ключевых установок философии здравого смысла Кудрявцев приходит к выводу, что начала здравого смысла не могут быть признаны строго научными принципами философского познания, ведь для последнего необходимо рациональное обоснование (Там же, с. 27–29).

Следующая рукопись «Аналитика чувственного познания», «Аналитика рассудочного познания» и «Аналитика умственного познания» является продолжением курса по метафизике (см.: Рожин, 2025б, с. 32) и посвящена гносеологической проблематике, которая, согласно ранее рассмотренной рукописи, относится к

Beattie, John Oswald, Dugald Stewart (*ibid.*, sheet 22) when discussing the philosophy of “common sense” which he defines as “a sense of truth common to all people or [...] most of them”, or “universal reason” which serves as a criterion of veracity and authenticity (*ibid.*). Kudryavtsev notes the obvious “anti-philosophical character” of this trend. The common sense philosophy, he writes, discovers the general principles and the laws of cognition and being, not through immediate representations and factual data, but through the judgments of common sense. But the common sense judgments, in turn, are problematic (*ibid.*, sheets 22-23) and are not universal and patently right (*ibid.*, sheet 24).

The above analysis of common sense philosophy would later be reflected in Kudryavtsev’s article “On the Main Principles of Philosophical Cognition” (1885). The article is also critical of the main principle of common sense, i.e. the principle of feeling, or faith as the foundation of knowledge, naming Friedrich Heinrich Jacobi (1743–1819) as the main representative of that trend (Kudryavtsev, 1914a, pp. 21-22). On the basis of his analysis of the key principles of the common sense school Kudryavtsev concludes that these principles cannot be seen as rigorous scientific principles of philosophical knowledge, for the latter calls for a rational grounding (*ibid.*, pp. 27-29).

The next manuscript, “Analytics of Sensuous Cognition”, “Analytics of Understanding Cognition” and “Analytics of Rational Cognition” is a continuation of the metaphysics course (see Rozhin, 2025b, p. 32) and is devoted to epistemological problems which, in accordance with the manuscript considered above, pertain to pure metaphysics. The text of the manuscript was

чистой метафизике. Текст манускрипта неоднократно редактировался автором, на что указывают соответствующие записи в рукописи (Кудрявцев-Платонов, 1854–1874, л. 38, 105). Здесь, несмотря на больший по сравнению с «Лекциями по метафизике» объем, встречается всего несколько ссылок на Круга: вновь на страницу из «Фундаментальной философии» с цитатой из Фихте (Там же, л. 76; ср.: Krug, 1803, S. 122) и на 2-й том «Системы теоретической философии» (Кудрявцев-Платонов, 1854–1874, л. 22, 27), в частности на раздел под названием «Систематическое представление всех категорий и их следствий — математических и динамических категорий» (см.: Krug, 1830, S. 84), а также на рассуждения Круга о схематизме и трансцендентальном воображении (см.: *Ibid.*, S. 91–94).

Примечательно и то, что название рукописи Кудрявцева близко совпадает с названиями разделов учения о познании Круга: «Аналитика чувственности», «Аналитика рассудка» и «Аналитика разума». Правда, в дальнейших публикациях своих исследований по теории познания русский философ все три представленные раздела переименует в «Метафизический анализ эмпирического познания», «Метафизический анализ рационального познания» и «Метафизический анализ идеального познания».

На основании представленного анализа еще трудно установить точные границы влияния Круга на Кудрявцева. Однако ясно, что русский философ не может принять в качестве первоначального принципа философского познания отсылку здравого смысла к фактам сознания. Далее нам необходимо перейти к сопоставлению, во-первых, трансцендентального синтетизма и трансцендентального монизма и, во-вторых, теоретико-познавательных интуиций обоих философов, касающихся априорных форм познания.

repeatedly edited by the author, as witnessed by the corresponding alterations to the text (Kudryavtsev, 1854, 1856, 1874, sheets 38, 105). Here, in spite of the larger volume of text compared to “Lectures on Metaphysics”, only a few references to Krug occur: again to the page from *Fundamental Philosophy* with a Fichte quote (*ibid.*, sheet 76; cf. Krug, 1803, p. 122) and volume 2 of *The System of Theoretical Philosophy* (Kudryavtsev, 1854, 1856, 1874, sheets 22, 27), including the section titled “Systematic Representation of Categories and Their Consequences — Mathematical and Dynamic Categories” (see Krug, 1830, p. 84), as well as Krug’s thoughts on schematism and transcendental imagination (see *ibid.*, pp. 91-94).

It is also worth noting that the title of Kudryavtsev’s manuscript is very similar to the headings of the sections of Krug’s teaching on cognition: “Analytics of Sensuousness”, “Analytics of Understanding” and “Analytics of Reason”. True, in further publications of his researches into the theory of cognition, the Russian philosopher changed the titles of all three sections to “Metaphysical Analysis of Empirical Cognition”, “Metaphysical Analysis of Rational Cognition” and “Metaphysical Analysis of Ideal Cognition”.

The foregoing analysis still falls short of establishing the exact boundaries of Krug’s influence on Kudryavtsev. However, it is clear that Kudryavtsev cannot accept the reference of common sense to facts of consciousness as the primary principle of philosophical cognition.

We now have to compare, first, transcendental synthetism and transcendental monism and second, theoretical and cognitive intuitions of the two philosophers concerning *a priori* forms of cognition.

Идеи Круга в системе трансцендентального монизма Кудрявцева-Платонова

Кудрявцев так же, как и Круг, стремится открыть основные начала или принципы достоверности научного познания — нечто несомненное и не требующее своего доказательства (Кудрявцев, 1914а, с. 1–2). Русский философ выделяет три вида знания: а) знание не строго научное; б) знание научное; в) знание философское. Первый вид знания основан, по сути, на убеждениях, в том числе и положениях здравого смысла, независимо от того, имеют ли они рациональное обоснование. Научное знание требует эмпирического или рационального доказательства и основано на аксиомах, то есть положениях, чье доказательство в границах самой науки невозможно. Наконец, философское знание стремится рационально обосновать все наше знание, а именно — исследовать очевидные начала и основания других наук и общего сознания. Но сама философия также нуждается в несомненном и достоверном начале (Там же, с. 2–5).

Поиск основополагающих принципов философии Кудрявцев предлагает начать с обращения к самому разуму, для чего он анализирует формулу абсолютного скептицизма «я сомневаюсь во всем» (Там же, с. 44–45). Оставляя в стороне все логические ходы Кудрявцева, следует заметить, что в итоге русский философ выводит три основных начала нашего познания: 1) истина собственного сосуществования (первоначальный факт самосознания), 2) бытие «не-я» и 3) идея истинного знания и бытия (Там же, с. 47–51). Три указанные истины познания, по мнению русского философа, приводят к признанию существования субъективного мира, объективного мира и абсолютно совершенного Существа, совмещающего в Себе полную истину бытия и знания — Бога (Там же, с. 53). Далее Кудрявцев сводит три обнару-

Krug's Ideas in Kudryavtsev-Platonov's System of Transcendental Monism

Kudryavtsev (1914a, pp. 1-2), like Krug, sought to discover the main principles of validity of scientific knowledge, something indubitable and not requiring proof. He distinguished three types of knowledge: a) knowledge that is not rigorously scientific; b) scientific knowledge and c) philosophical knowledge. The first type is essentially based on convictions, including common sense judgments, whether or not they have a rational grounding. Scientific knowledge requires empirical or rational proof and is based on axioms, i.e. propositions that are impossible to prove within the boundaries of science itself. Finally, philosophical knowledge aims to provide a rational grounding of all our knowledge, i.e. to investigate the obvious principles and grounds of other sciences and universal consciousness. However, philosophy itself also needs an indubitable and valid basis (*ibid.*, pp. 2-5).

Kudryavtsev proposes to begin the search for fundamental principles of philosophy by turning to reason itself and to this end he analyses the formula of absolute scepticism, “I doubt everything” (*ibid.*, pp. 44-45). Leaving aside all his logical moves, it has to be noted that Kudryavtsev arrives at three main principles of our knowledge: 1) the truth of its own coexistence (the initial fact of self-consciousness), 2) the existence of “non-I” and 3) the idea of true knowledge and being (*ibid.*, pp. 47-51). Kudryavtsev maintains that the three above-mentioned verities of knowledge prove the existence of the subjective world, the objective world and the absolutely perfect Being, combining within Itself the whole truth of being and knowledge — God (*ibid.*, p. 53). Kudryavtsev then brings the three principles

женных начала к одному общему первоначалу на том основании, что общим для них понятием является бытие. Определяя, какое бытие может быть одновременно общим для двух других, он приходит к выводу, что таковым может быть только абсолютное бытие (Там же, с. 54–55). И именно бытие абсолютного Существа, по мысли Кудрявцева, позволяет рационально объяснить существование мира физического и духовного и саму достоверность познания о нем (Там же, с. 55–56).

Таким образом, началом философского познания русский философ признает идею абсолютного Существа — идею Божества. Это начало он называет реальным, то есть определяющим содержание, поскольку посредством его обеспечивается для философии несомненность самых предметов ее исследования — Бога, физического мира и духовного мира (Там же, с. 57). Вместе с тем Кудрявцев выделяет формальный принцип, определяющий способ познания — «самодостоверность нашего разума», выраженную в логических законах мышления (Там же, с. 60). Соответственно, необходимо считать истиной то, пишет философ, что с ними согласно, и ложью, что им противоречит (Там же, с. 64–65).

Далее, анализируя чувственное познание, Кудрявцев выделяет в нем принадлежащий нам субъективный и привходящий извне объективный элементы. Как следствие, мы имеем дело не с вещами самими по себе, а с явлениями (Кудрявцев, 1914б, с. 83). Для каждого элемента существуют свои онтологические основания: для субъективного элемента — бытие духовное, или нематериальное, для объективного — бытие физическое, или материальное (Там же, с. 102). Признание двух отдельных, независимых друг от друга видов бытия (материального и нематериального) порождает онтологический, или субстанциальный, дуализм, что ставит под сомнение возможность познания как такового, так как субстанции, буду-

to a common first principle on the ground that they all share the concept of being. In defining what being can be simultaneously common to the remaining two, he comes to the conclusion that it can only be absolute being (*ibid.*, pp. 54-55). It is the being of the Absolute Being, Kudryavtsev believes, that offers a rational justification of the existence of the physical and spiritual worlds and the authenticity of the knowledge thereof (*ibid.*, pp. 55-56).

Thus, Kudryavtsev considers the beginning of philosophical knowledge to be the idea of the Absolute Being, the idea of God. He calls this principle real, i.e. content-defining, because it secures for philosophy the indubitability of the very objects of its study: God, the physical world and the intellectual world (*ibid.*, p. 57). At the same time he points to the formal principle which determines the mode of cognition: “the self-authenticity of our reason” expressed in logical laws of thought (*ibid.*, p. 60). Accordingly, he writes that what agrees with them is true and what contradicts them is false (*ibid.*, pp. 64-65).

Further, turning to sensuous cognition, Kudryavtsev identifies in it our subjective and external objective elements. Consequently, we deal not with things in themselves, but with phenomena (Kudryavtsev, 1914b, p. 83). Each element has its own ontological justification: for the subjective element it is intellectual, or non-material being, and for the objective element it is physical, or material being (*ibid.*, p. 102). Recognition of two separate and independent beings, material and non-material, creates an ontological, or substantive dualism, which questions the possibility of cognition as such since substances, being opposites, cannot act upon each other (*ibid.*, pp. 141-142). But the opposition is not absolute, moreover, there is something the material and the non-material have in common, namely limitedness manifested in the forms of space and time

чи противоположными, не могут действовать друг на друга (Там же, с. 141–142). Но эта противоположность не имеет абсолютного характера, более того, между материальным и нематериальным есть нечто общее, а именно ограниченность, выраженная в формах пространства и времени, объясняющих, в свою очередь, взаимодействие между нашим «я» и внешним миром (Там же, с. 143). При этом Кудрявцев предполагает существование более «тесной внутренней связи» между духовным и материальным и допускает, что в основании обоих лежит одно и то же бытие, а именно абсолютное бытие (Там же, с. 144).

Нужно отметить, что трансцендентальный монизм является результатом решения проблемы соотношения наших знаний и представлений с действительным бытием (Там же, с. 69–70). Стратегия поиска решения этой проблемы у Кудрявцева сильно напоминает ту, что представлена в «Фундаментальной философии» Круга. Русский философ рассматривает по отдельности реализм и идеализм (Там же, с. 98–99). Так же как и Круг, Кудрявцев утверждает, что реализм ведет к материализму, не способному объяснить происхождение идеального (Там же, с. 127), в то время как идеализм не способен объяснить происхождение материального мира (Там же, с. 149) и вместе с объектом устраняет также субъекта (Там же, с. 154). В практическом отношении материализм представляется разрушительным в нравственной сфере (Там же, с. 134–135), так же как и идеализм (Там же, с. 168), по той причине, что в обоих исчезает самоопределяемость человека как свободного существа. В результате Кудрявцев приходит к заключению: «несостоятельность указанных односторонних воззрений... ведет нас к признанию двух видов сущего³ с равными правами на самостоятельное существование» (Там же, с. 182).

³ Речь идет о духовном и вещественном (идеальном и реальном).

which, in turn, explain the interaction between “I” and the external world (*ibid.*, p. 143). Kudryavtsev suspects the existence of “closer internal connection” between the intellectual and the material and does not rule out that both are founded on one and the same being, i.e. absolute being (*ibid.*, p. 144).

It has to be kept in mind that transcendental monism is the outcome of the solution of the problem of the relation of our knowledge and representations to real being (*ibid.*, pp. 69-70). Kudryavtsev’s strategy of solving this problem is strongly reminiscent of the strategy Krug presents in his *Fundamental Philosophy*. The Russian philosopher examines separately realism and idealism (*ibid.*, pp. 98-99). Like Krug, he holds that realism leads to materialism, which is incapable of explaining the origin of the ideal (*ibid.*, p. 127), while idealism is incapable of explaining the origin of the material world (*ibid.*, p. 149), eliminating the subject along with the object (*ibid.*, p. 154). In practice, materialism is destructive in the moral sphere (*ibid.*, pp. 134-135), and so is idealism (*ibid.*, p. 168), because both eliminate self-determination of the human being as a free being. As a result, Kudryavtsev comes to the following conclusion: “the untenability of the two one-sided views [...] leads us to recognise two types of existence¹⁶ with equal right to independent existence” (*ibid.*, p. 182).

In his ontology Kudryavtsev, like Krug, in analysing different stages of cognition, identifies their *a priori* subjective forms: space and time for sensibility and pure categories for understanding (see Rozhin, 2023, pp. 49-55), ideas for reason (see Rozhin, 2024b, pp. 123-127). The distinction between subjective forms and content of knowledge leads both philosophers to the conclusion that cognition is about phenomena and not about things in

¹⁶ These are intellectual and material (ideal and real).

В своей онтологии Кудрявцев, так же как и Круг, анализируя различные ступени познания, находит их априорные субъективные формы: для чувственности — пространство и время, для рассудка — чистые категории (см.: Рожин, 2023, с. 49–55), для разума — идеи (см.: Рожин, 2024б, с. 123–127). Различение субъективных форм и содержания знания ведет обоих философов к выводу о том, что в познании мы имеем дело с явлениями, а не с вещами самими по себе. Но если Круг вслед за Кантом утверждает их непознаваемость в силу трансцендентальной идеальности познавательных форм, то Кудрявцев считает иначе. Дело в том, что в вопросе значения априорных форм познания по отношению к действительному бытию он принимает позицию А. Ф. Тренделенбурга и Ф. А. Голубинского, согласно которой априорные формы чувственности и рассудка имеют не только субъективное, но и объективное значение (см.: Рожин, 2023, с. 63–64; 2024а, с. 351–352; Rozhin, 2025, р. 78–85). Что касается кантовской таблицы категорий, то Кудрявцев в плане систематического построения предпочитает ей выведение категорий Гегелем из одного начала — понятия бытия (Кудрявцев-Платонов, 1914в, с. 172–173), что по смыслу ближе к таблице категорий Круга. К области применения рассудочных категорий Кудрявцев относит помимо чувственного еще и сверхчувственное бытие, что противоречит взглядам Канта и Тренделенбурга на этот вопрос (Рожин, 2023, с. 53, 60) и оказывается условно ближе к позиции Круга: чтобы мыслить Абсолют как предмет, необходимы рассудочные категории. Тем не менее Круг, в отличие от Кудрявцева, отрицает объективную значимость трансцендентальных идей, признавая вслед за Кантом только их субъективное значение для теоретического разума.

Помимо того что Круг повлиял на разработку трансцендентального монизма Кудрявцева, он оказал влияние на философскую методоло-

themselves. However, while Krug, following Kant, maintains that they are unknowable because cognitive forms are transcendently ideal, Kudryavtsev thinks otherwise. On the issue of the significance of *a priori* forms relative to actual being, he embraces the position of Friedrich Adolf Trendelenburg and Fyodor A. Golubinsky whereby *a priori* forms of sensibility and understanding have not only subjective, but also objective meaning (see Rozhin, 2023, pp. 63-64; 2024, pp. 351-352; Rozhin, 2025a, pp. 78-85). As for the Kantian table of categories, Kudryavtsev (1914c, pp. 172-173), in terms of systematic structure, prefers Hegel's approach, i.e. deriving categories from the concept of being as a single principle, which is essentially more like Krug's table. Kudryavtsev includes in the area of application of categories of understanding not only sensuous, but also supra-sensuous being, which is at odds with the views of Kant and Trendelenburg on this issue (Rozhin, 2023, pp. 53, 60) and is rather closer to Krug's position: to think the Absolute as an object, categories of understanding are necessary. Even so, unlike Kudryavtsev, Krug denies the objective significance of transcendental ideas recognising, after Kant, only their subjective meaning for theoretical reason.

Apart from influencing Kudryavtsev's development of transcendental monism, Krug also influenced his philosophical methodology. For example, Kudryavtsev looks for general, real and formal, principles of philosophical knowledge, derives the idea of real and ideal being from self-consciousness and proposes ontology in which he investigates *a priori* forms of sensibility, understanding and reason. Finally, like Krug, the Russian philosopher, though taking a negative stand towards the philosophy of common sense, uses the dogmatic method in building his philosophical system.

гию русского философа. Так, Кудрявцев ищет общие начала философского познания — реальный и формальный принципы, из самосознания выводит убеждения в бытии реального и идеального бытия, далее предлагает онтологию, в которой исследует априорные формы чувственности, рассудка и разума. Наконец, так же как и Круг, русский философ, несмотря на то что выражает негативное отношение к философии здравого смысла, пользуется догматическим методом в построении своей философской системы.

Заклучение

Знаменитые вопросы Канта «что я могу знать?» (В 833; Кант, 2006, с. 1011), «как возможна метафизика как наука?» (В 22; Там же, с. 77) и «как возможны синтетические суждения *a priori*?» (В 19; Там же, с. 73) выражают в некоторой степени сущность кантовского трансцендентализма, стремящегося прежде всего определить все понятия и принципы, благодаря которым возможно априорное знание и, соответственно, сама метафизика. Кёнигсбергский философ в первой «Критике» ищет ответ на вопрос о границах человеческого познания через определение условий и их характера, но самое главное — исследует возможность познания из чистого разума. Такова суть критицизма. В случае Круга и Кудрявцева ответы на поставленные Кантом вопросы получают догматическое разрешение прежде всякого исследования возможностей познания, хотя оба философа уделяют внимание исследованию познания и стремятся установить условия человеческого познания.

Кудрявцев вслед за Кругом, как было показано, опирается на факт самосознания, из которого выводит три истины познания, и приходит к утверждению реальности мышления и бытия, а также соответствия между ними в познании. При этом русский философ еще в ранние годы своей преподавательской деятельно-

Conclusion

Kant's famous questions "What can I know?" (*KrV*, B 833; Kant, 1998, p. 677), "How is metaphysics possible as a science?" (*KrV*, B 22; Kant, 1998, p. 147) and "How are synthetic *a priori* judgments possible?" (*KrV*, B 19; Kant, 1998, p. 146) express to some extent the essence of Kantian transcendentalism which seeks above all to determine all the concepts and principles which make *a priori* knowledge and hence metaphysics itself possible. In his first *Critique* Kant seeks an answer to the question about the limits of human knowledge by determining conditions and their character, but most importantly, he explores the possibility of cognition out of pure reason. This is the essence of criticism. In the case of Krug and Kudryavtsev, they give dogmatic answers to Kant's questions before any investigation of the possibilities of cognition, although both philosophers pay attention to the study of cognition and try to establish the conditions of human cognition.

Kudryavtsev, following Krug, as has been shown here, proceeds from the fact of self-consciousness, from which he derives three truths of knowledge and comes to assert the reality of thinking and being, and their mutual correspondence in knowledge. The Russian philosopher, early on in his teaching at the Moscow Theological Academy, stressed that being and thought demand a higher, universal and necessary principle than direct persuasion, and that is absolute being. By introducing this concept in his teaching, he did not only provide a metaphysical (transcendental) basis for the concept of transcendental synthetism, something Krug would have objected to, but came to a different real principle of philosophical cognition, namely the idea of Deity, while the two philosophers were in agreement with regard to the formal

сти в МДА обращал внимание на то, что для бытия и мышления требуется более высокое, всеобщее и необходимое начало, чем непосредственное убеждение, — абсолютное бытие. Введя это понятие в свое учение, он не только дополнил концепцию трансцендентально-синтетизма метафизической (трансцендентной) основой, против чего Круг бы возражал, но и пришел к другому реальному принципу философского познания — к идее Божества, в то время как формальный принцип самодостоверности мышления у обоих философов остался схожим. В рамках кантовского трансцендентализма введение метафизического принципа в виде Божества в область познания является недопустимым, поскольку выходит за пределы возможного опыта.

Вместе с тем Кант, Круг и Кудрявцев совпадают во взгляде на характер человеческого познания, обусловленного объективным и субъективными элементами (априорными формами познания) и, соответственно, имеющего дело с явлениями, а не с вещами самими по себе. Но русский философ не соглашается с тем, что априорные формы познания чувственности и рассудка имеют только субъективный характер, и вслед за Тренделенбургом придает им также объективный характер. Как следствие, у Канта Кудрявцев заимствует концепцию априоризма, модифицированную с поправкой на идеи Тренделенбурга и Голубинского.

Итак, можно сделать вывод о том, что концепция трансцендентального монизма Кудрявцева, направленная на решение проблемы соответствия мышления и бытия, так же как и субстанциального дуализма, имеет генетическую связь с концепцией трансцендентального синтетизма Круга и представляет собой ее модификацию с метафизическим уклоном. Что касается трансцендентализма, в программе Кудрявцева по исследованию условий человеческого познания наблюдается синтез идей Канта, Тренделенбурга, Голубинского и отчасти Гегеля, в то время как влияние Круга можно

принципе of self-authenticity of thinking. In the framework of Kantian transcendentalism the introduction of the metaphysical principle in the shape of Deity into cognition is inadmissible because it goes beyond the boundaries of possible experience.

At the same time Kant, Krug and Kudryavtsev are on the same page as regards the character of human knowledge, conditioned as it is by objective and subjective elements (*a priori* forms of knowledge) and dealing with phenomena and not things in themselves. But Kudryavtsev disagrees with the view that sensibility and understanding as *a priori* forms of cognition have a strictly subjective character, and, following Trendelenburg, ascribes to them an objective character. As a consequence, Kudryavtsev borrows Kant's idea of apriorism but modifies it in line with the ideas of Trendelenburg and Golubinsky.

The overall conclusion is that Kudryavtsev's concept of transcendental monism, aimed at solving the problem of correspondence between thought and being, like that of substantial dualism, is genetically connected with Krug's concept of transcendental synthetism and represents its modification with a metaphysical slant. As for transcendentalism, Kudryavtsev's programme of investigating the conditions of human cognition is a synthesis of the ideas of Kant, Trendelenburg, Golubinsky and partly of Hegel, whereas Krug's influence can be discerned in the methodology of deriving the main principles of philosophy, the structure of the Russian philosopher's epistemology and its place in the system of philosophical knowledge.

The study was supported by grant No. 25-78-00132 from the Russian Science Foundation, "Transcendentalism in Russian Ecclesiastical-Academic Philosophy of the Last Third of the 19th Century", <https://rscf.ru/en/project/25-78-00132/>.

усмотреть в методологии выведения основных принципов философии, в структуре теории познания русского философа и ее месте в системе философского знания.

Исследование выполнено за счет гранта Российского научного фонда № 25-78-00132 «Трансцендентализм в русской духовно-академической философии последней трети XIX века», <https://rscf.ru/project/25-78-00132/>.

Список литературы

Жучков В. А. Метафизика Вольфа и ее место в истории философии Нового времени // Христиан Вольф и философия в России. СПб. : РХГИ, 2001. С. 8–106.

Кант И. Критика чистого разума. 2-е изд. (В) // Соч. на нем. и рус. яз. / под ред. Н.В. Мотрошиловой, Б. Тушлинга. М. : Наука, 2006. Т. 2, ч. 1.

Круглов А. Н. Философия Канта в России в конце XVIII – первой половине XIX веков. М. : Канон + ; РООИ «Реабилитация», 2009.

Кудрявцев-Платонов В. Д. Лекции по метафизике 1854 // Отдел рукописей Российской государственной библиотеки (ОР РГБ). Ф. 823. Картон 4. Ед. хр. 4.

Кудрявцев-Платонов В. Д. «Аналитика чувственного познания», «Аналитика рассудочного познания», «Аналитика умственного познания» — курс лекций 1854, 1856, 1874 // ОР РГБ. Ф. 824. Картон 4. Ед. хр. 3.

Кудрявцев-Платонов В. Д. Об основных началах философского познания // Соч. : в 3 т. Сергиев Посад : Тип. Св.-Гр. Сергиевой Лавры, 1914а. Т. 1, вып. 2. С. 1–66.

Кудрявцев-Платонов В. Д. Метафизический анализ эмпирического познания // Соч. : в 3 т. Сергиев Посад : Типография Св.-Гр. Сергиевой Лавры, 1914б. Т. 1, вып. 2. С. 67–209.

Кудрявцев-Платонов В. Д. Метафизический анализ рационального познания // Соч. : в 3 т. Сергиев Посад : Тип. Св.-Гр. Сергиевой Лавры, 1914в. Т. 1, вып. 3. С. 1–174.

Рожин Д. О. Между Кантом и Тренделенбургом: к вопросу о генеалогии теории познания Кудрявцева-Платонова // Кантовский сборник. 2023. Т. 42, № 4. С. 35–68. <http://dx.doi.org/10.5922/0207-6918-2023-4-3>.

Рожин Д. О. Следы кантовского априоризма во взглядах Ф. А. Голубинского и В. Д. Кудрявцева-Платонова // Вестник Российского университета дружбы народов. Сер.: Философия. 2024а. Т. 28, № 2. С. 344–357. <https://doi.org/10.22363/2313-2302-2024-28-2-344-357>

References

Breazeale, D. and Walsh, J., 2022. Karl Leonhard Reinhold. In: E. N. Zalta and U. Nodelman. eds., *The Stanford Encyclopedia of Philosophy* (Winter 2022 Edition). Available at: <<https://plato.stanford.edu/archives/win2022/entries/karl-reinhold/>> (Accessed 31.03.2025).

Erdmann, J. E., 1848. *Versuch einer wissenschaftlichen Darstellung der Geschichte der neuern Philosophie*. Volume 3, Part 1. Leipzig: F. Ch. W. Vogel.

Fortlage, C., 1852. *Genetische Geschichte der Philosophie seit Kant*. Leipzig: F. A. Brockhaus.

Hegel, G. W. F., 1986. Wie der gemeine Menschenverstand die Philosophie nehme, dargestellt an den Werken des Herrn Krug. In: G. W. F. Hegel, 1986. *Werke*. Vol. 2. Edited by E. Moldenhauer and K. M. Michel. Frankfurt am Main: Suhrkamp, pp. 188-207.

Hegel, G. W. F., 2000. How the Ordinary Human Understanding Takes Philosophy (as Displayed in the Works of Mr. Krug). Translation and Notes by H. S. Harris. In: G. di Giovanni. ed., 2000. *Between Kant and Hegel: Texts in the Development of Post-Kantian Idealism*. Indianapolis: Hackett, pp. 292-310.

Heis, J., 2018. The Logicians of Kant's School. In: S. Lapointe, ed. 2018. *Logic from Kant to Russell: Laying the Foundations for Analytic Philosophy*. New York & London: Routledge, pp. 28-55.

Kant, I., 1998. *Critique of Pure Reason*. Translated and edited by P. Guyer and A. Wood. Cambridge: Cambridge University Press.

Kemper, A., 1988. *Gesunder Menschenverstand und transzendentaler Synthetismus: W.T. Krug, Philosoph zwischen Aufklärung und Idealismus*. Münster: Lit.

Köhnke, K. C., 1991. *The Rise of Neo-Kantianism: German Academic Philosophy between Idealism and Positivism*. Cambridge: Cambridge University Press.

Krouglov, A. N., 2009. *Filosofiya Kanta v Rossii v konce XVIII – pervoj polovine XIX veka* [Kant's Philosophy in Russia at the End of the 18th and the First Half of the 19th Centuries]. Moscow: Kanon+. (In Rus.)

Krug, W. T., 1803. *Fundamentalphilosophie*. Züllichau & Freystadt: Darnmannsche Buchhandlung.

Krug, W. T., 1806. *System der theoretischen Philosophie*. Volume 1. *Denklehre oder Logik*. Königsberg: bei Goebbels und Unzer.

Krug, W. T., 1828. *Handbuch der Philosophie und der philosophischen Literatur: in 2 Volumes*. Volume 1, *Third Edition*. Leipzig: F. A. Brockhaus.

Рожин Д. О. Функция кантовской теоретической философии в рациональном объяснении богопознания В. Д. Кудрявцева-Платонова // Вестник Православного Свято-Тихоновского гуманитарного университета. Серия 1: Богословие. Философия. Религиоведение. 2024б. № 115. С. 119–133. <https://doi.org/10.15382/sturI2024115.119-133>.

Рожин Д. О. Преподавание философских дисциплин В. Д. Кудрявцевым-Платоновым в Московской духовной академии // История философии. 2025б. Т. 30, № 1. С. 29–39. <https://doi.org/10.21146/2074-5869-2025-30-1-29-39>.

Breazeale D., Walsh J. Karl Leonhard Reinhold // The Stanford Encyclopedia of Philosophy (Winter 2022 Edition) / ed. by E. N. Zalta, U. Nodelman. URL: <https://plato.stanford.edu/archives/win2022/entries/karl-reinhold/> (дата обращения: 31.03.2024).

Erdmann I. E. Versuch einer wissenschaftlichen Darstellung der Geschichte der neuern Philosophie. Leipzig : F. Ch. W. Vogel, 1848. Bd. 3, Abth. 1.

Fortlage C. Genetische Geschichte der Philosophie seit Kant. Leipzig : F. A. Brockhaus, 1852.

Hegel G. W. F. Wie der gemeine Menschenverstand die Philosophie nehme, dargestellt an den Werken des Herrn Krug // Werke. Frankfurt a/M : Suhrkamp Taschenbuch, 1986. Bd. 2 : Jenaer Schriften 1801–1807 / hrsg. von E. Moldenhauer, K. M. Michel. S. 188–207.

Hegel G. W. F. How the Ordinary Human Understanding Takes Philosophy (as Displayed in the Works of Mr. Krug) (complete) / transl. and notes by H. S. Harris // Between Kant and Hegel: Texts in the Development of Post-Kantian Idealism / transl. by G. di Giovanni and H. S. Harris. Indianapolis : Hackett Publishing, 2000. P. 292–310.

Heis J. The Logicians of Kant's School // Logic from Kant to Russell: Laying the Foundations for Analytic Philosophy / ed. by S. Lapointe. N.Y. ; L. : Routledge, 2019. P. 28–55.

Kemper A. Gesunder Menschenverstand und transzendentaler Synthetismus: W. T. Krug, Philosoph zwischen Aufklärung und Idealismus. Münster : Lit, 1988.

Köhnke K. Chr. The Rise of Neo-Kantianism: German Academic Philosophy between Idealism and Positivism. Cambridge : Cambridge University Press, 1991.

Krug W. T. Fundamentalphilosophie. Züllichau ; Freystadt : Darnmannsche Buchhandlung, 1803.

Krug W. T. System der theoretischen Philosophie. Königsberg : bei Goebbels und Unzer, 1806. Bd. 1 : Denklehre oder Logik.

Krug, W. T., 1830. *System der theoretischen Philosophie. Volume 2, 3rd ed. Metaphysik oder Erkenntnisslehre*. Königsberg: bei A. W. Unzer.

Kudryavtsev-Platonov, V. D., 1854. *Lekcii po metafizike 1854 [Lectures on Metaphysics 1854]*. In: Russian State Library, Manuscript Department. Coll. 823, Box 4, № 4. (In Rus.)

Kudryavtsev-Platonov, V. D., 1854–1874. *Analitika chuvstvennogo poznaniya. Analitika rassudochnogopoznaniya. Analitika umstvennogo poznaniya. Kurs lekcij 1854, 1856, 1874 gg. [The Analysis of Sensual Cognition. The Analysis of Rational Cognition. The Analysis of Mental Cognition. A Course of Lectures in 1854, 1856, 1874]*. In: Russian State Library, Manuscript Department. Coll. 824, Box 4, № 3. (In Rus.)

Kudryavtsev-Platonov, V. D., 1914a. On the Basic Principles of Philosophical Cognition. In: V. D. Kudryavtsev-Platonov, 1914. *Sochineniya [Works] in 3 Volumes*. Volume 1, Part 2. Sergiev Posad: Tip. Sv.-Tr. Sergievoj Lavry, pp. 1-66. (In Rus.)

Kudryavtsev-Platonov, V. D., 1914b. Metaphysical Analysis of Empirical Cognition. In: V. D. Kudryavtsev-Platonov, 1914. *Sochineniya [Works] in 3 Volumes*. Volume 1, Part 2. Sergiev Posad: Tip. Sv.-Tr. Sergievoj Lavry, pp. 67-209. (In Rus.)

Kudryavtsev-Platonov, V. D., 1914c. Metaphysical Analysis of Rational Cognition. In: V. D. Kudryavtsev-Platonov, 1914. *Sochineniya [Works] in 3 Volumes*. Volume 1, Part 3. Sergiev Posad: Tip. Sv.-Tr. Sergievoj Lavry, pp. 1-174. (In Rus.)

Prantl, C., 1883. Krug, Wilhelm Traugott. In: *Allgemeine Deutsche Biographie. Volume 17*. Leipzig: Duncker & Humblot, pp. 220-220.

Reinhold, E., 1830. *Handbuch der allgemeinen Geschichte der Philosophie für alle wissenschaftlich Gebildete*. Volume 2, Part 2. Gotha: In der Hennings'schen Buchhandlung.

Reinhold, K. L., 1790. *Beyträge zur Berichtigung bisheriger Missverständnisse der Philosophen. Volume 1. Das Fundament der Elementarphilosophie betreffend*. Jena: J. M. Mauke.

Rozhin, D. O., 2023. Between Kant and Trendelenburg: On the Genealogy of Kudryavtsev-Platonov's Theory of Cognition. *Kantian Journal*, 42(4), pp. 35-68. <http://dx.doi.org/10.5922/0207-6918-2023-4-3>.

Rozhin, D. O., 2024a. Traces of Kantian Apriorism in the Views of F. A. Golubinsky and V. D. Kudryavtsev-Platonov. *RUDN Journal of Philosophy*, 28(2), 344-357. <https://doi.org/10.22363/2313-2302-2024-28-2-344-357>. (In Rus.)

Krug W. T. Handbuch der Philosophie und der philosophischen Literatur : in 2 Bdn. Leipzig : F.A. Brockhaus, 1828. Bd. 1. 3. Aufl.

Krug W. T. System der theoretischen Philosophie. Königsberg : bei A. W. Unzer, 1830. 3. Aufl. Bd. 2 : Metaphysik oder Erkenntnisslehre.

Prantl C. Krug, Wilhelm Traugott // Allgemeine Deutsche Biographie. Leipzig : Duncker & Humblot, 1883. Bd. 17. S. 220–220.

Reinhold E. Handbuch der allgemeinen Geschichte der Philosophie für alle wissenschaftlich Gebildete. Hälfte. Gotha: In der Hennings'schen Buchhandlung, 1830. Th. II, H. 2.

Reinhold K. L. Beiträge zur Berichtigung bisheriger Missverständnisse der Philosophen. Jena : J. M. Mauke, 1790. Bd. 1 : Das Fundament der Elementarphilosophie betreffend.

Rozhin D. Kant's Copernican Turn in Kudryavtsev-Platonov's System of Transcendental Monism // Cogency. 2025. Vol. 16, № 2. P. 72–88.

Schoeps H. J. Erdmann, Eduard // Neue Deutsche Biographie. Berlin : Duncker & Humblot, 1959. Bd. 4. S. 569.

Ueberweg F. System der Logik und Geschichte der logischen Lehren. Bonn : A. Marcus, 1857.

Об авторе

Давид Олегович Рожин, кандидат философских наук, Академия Кантиана, Балтийский федеральный университет им. И. Канта, Калининград, Россия.

E-mail: DRozhin@kantiana.ru

ORCID: <https://orcid.org/0000-0003-4877-2598>

Для цитирования:

Рожин Д. О. Трансцендентальный синтетизм В. Т. Круга и его рецепция В. Д. Кудрявцевым-Платоновым // Кантовский сборник. 2025. Т. 44, № 4. С. 31–64.

<http://dx.doi.org/10.5922/0207-6918-2025-4-2>

© Рожин Д. О., 2025.

Rozhin, D. O., 2024b. The Function of Kantian Theoretical Philosophy in the Rational Explanation of the Cognition of God by v. D. Kudryavtsev-Platonov. *Vestnik Pravoslavnogo Sviato-Tikhonovskogo humanitarnogo universiteta. Seriya I: Bogoslovie. Filosophi ia. Religiovedenie*, 115, pp. 119-133. <https://doi.org/10.15382/sturl2024115.119-133> (In Rus.)

Rozhin, D., 2025a. Kant's Copernican Turn in Kudryavtsev-Platonov's System of Transcendental Monism. *Cogency*, 16(2), pp. 72-88. Available at: <<https://cogency.udp.cl/index.php/cogency/article/view/425>> (Accessed 31.03.2025).

Rozhin, D. O., 2025b. The Teaching of Philosophical Disciplines by V. D. Kudryavtsev-Platonov at the Moscow Theological Academy. *History of Philosophy*, 30(1), pp. 29-39. <https://doi.org/10.21146/2074-5869-2025-30-1-29-39>. (In Rus.)

Schoeps, H.J., 1959. Erdmann, Eduard. In: *Neue Deutsche Biographie. Volume 4*. Berlin: Duncker & Humblot, p. 569.

Ueberweg, F., 1857. *System der Logik und Geschichte der logischen Lehren*. Bonn: A. Marcus.

Zhuchkov, V. A., 2001. Wolf's Metaphysics and Its Place in Modern History. In: *Hristian Vol'f i filosofiya v Rossii [Christian Wolff and Philosophy in Russia]*. Saint-Petersburg: RHGI, pp. 8-106. (In Rus.)

The author

Dr David O. Rozhin, Academia Kantiana, Immanuel Kant Baltic Federal University, Kaliningrad, Russia.

E-mail: DRozhin@kantiana.ru

ORCID: <https://orcid.org/0000-0003-4877-2598>

To cite this article:

Rozhin, D. O., 2025. Transcendental Synthetism of W. T. Krug and its Reception by V. D. Kudryavtsev-Platonov. *Kantian Journal*, 44(4), pp. 31-64.

<http://dx.doi.org/10.5922/0207-6918-2025-4-2>

© Rozhin D. O., 2025.

ПРЕДСТАВЛЕНО ДЛЯ ВОЗМОЖНОЙ ПУБЛИКАЦИИ В ОТКРЫТОМ ДОСТУПЕ В СООТВЕТСТВИИ С УСЛОВИЯМИ ЛИЦЕНЗИИ CREATIVE COMMONS ATTRIBUTION (CC BY) ([HTTP://CREATIVECOMMONS.ORG/LICENSES/BY/4.0/](http://creativecommons.org/licenses/by/4.0/))

SUBMITTED FOR POSSIBLE OPEN ACCESS PUBLICATION UNDER THE TERMS AND CONDITIONS OF THE CREATIVE COMMONS ATTRIBUTION (CC BY) LICENSE ([HTTP://CREATIVECOMMONS.ORG/LICENSES/BY/4.0/](http://creativecommons.org/licenses/by/4.0/))